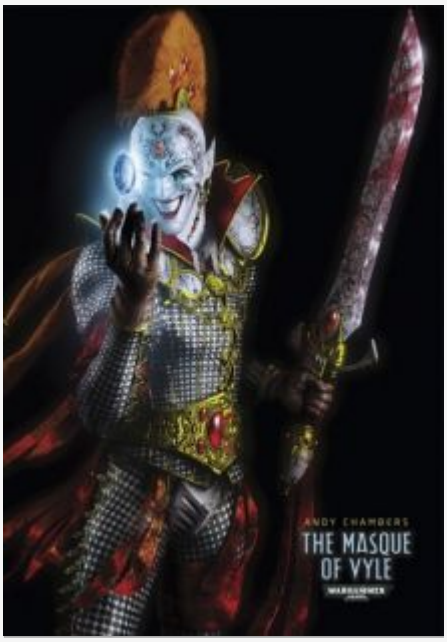
Маска Вайла / The Masque of Vyle (новелла)

WARPFROG
Гильдия Переводчиков Warhammer

Маска Вайла / The Masque of Vyle (новелла)



Автор	Энди Чемберс / Andy Chambers
Переводчик	Dammerung
Издательство	Black Library
Серия книг	Темные эльдар / Dark Eldar
Год издания	2013
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB, FB2, MOBI
Поддержать проект	

«Вероятно, для эльдарской расы самоочевидно, что некоторые из самых ее смертоносных воинов вовсе не являются воинами. Кочующий культ или секта артистов, именуемых «арлекинами», находится вне ритуалистических норм общества эльдаров. Некоторые их представления стилизованы, другие абстрактны, а иные весьма формальны. Актеры постоянно перемещаются между уцелевшими анклавами эльдаров с внешней целью продемонстрировать им свои сценические интерпретации общей мифологии расы – истории о богах, сотворении, древних героях – в которых зачастую кроется метафора или моралистический намек. Выглядит вероятным, что призвание

арлекинов также включает в себя функции дипломатов между различными анклавами с сопутствующими элементами шпионажа. Юлианну из Вергона полагает, что деятельность арлекинов даже имеет некоторое отношение к судебным делам.

Судя по всему, актеры в труппе арлекинов принимают определенные роли как на сцене, так и за ее пределами, и их личные отношения всегда подвержены влиянию со стороны тех персонажей, которых они изображают. Среди этих отдельных ролей наиболее узнаваемыми являются Высший Аватар и Шут Смерти, соответственно – лидер и персонификация смерти. Мастер-мим – более сложная фигура, которая, видимо, включает в себя концепцию невидимости или игры теней. Его роль пересекается с ролью Провидца Теней, который сам по себе известен как телепатический кукловод, но также наделен функциями, имеющими аспект материнской заботы. Таким образом, он оттеняет строгость царственного Высшего аватара. Самый любопытный их представитель – так называемый Солитер. Изгой, которого обычно избегает вся остальная труппа, Солитер нечасто появляется в представлениях. Только он может исполнить роль сущности, что вызвала легендарное крушение эльдарской цивилизации, бога Хаоса Слаанеша, создания, которое эльдары называют «Та, что Жаждет».

– отрывок из «Де Либратии Ксеностиус Максима», том XXII, приложение 95.0349.378 – «Дополнительные апокрифы».

□

Содержание

Глава первая - Мертвецы в пустоте
Глава вторая - Траурная Марка
Глава третья - Гробница Ветров
Глава четвертая - Охота
Глава пятая - Первый банкет
Глава шестая - Рассвет / Рассказ предателя
Глава седьмая - Второй банкет
Глава восьмая - Апогей / Приснопамятная победа
Глава девятая - Финальный банкет
Глава десятая - Полумрак

Глава первая - Мертвецы в пустоте

Они собрались по безмолвному зову. Они шли, легко проходя сквозь пряжу реальности, к темному месту, к спутанному клубку негативности и разложения в многомерном кружеве Паутины. Они скользили по ее нитям, словно пауки, почуявшие гудение диссонанса, что расходится по их дому. Их целью был корабль длиной во много километров, который падал сквозь пустоту, будто умирающая туша громадного левиафана.

Первым прибыл Ашантурус, как и подобало предводителю труппы, Высшему Аватару и Королю-Солнцу. Немногие из живущих могли сравниться с ним в знании Паутины. Несмотря на ее плачевное состояние в

сравнении с временами древности, Ашантурус столь хорошо понимал бесконечное множество маршрутов, перекрестков и сквозных путей Паутины, что мог добраться до своей цели быстро и легко.

Ашантурус переместился в это темное место через портал и немедленно подвергся атаке. Отовсюду из теней вокруг, пошатываясь, выбрались сломанные автоматы и бросились, чтобы смять и выдавить из него жизнь. Он сразу же понял, что эти существа на длинных конечностях когда-то были благородными мертвецами этого мира, что их вместилища взломаны, а души необратимо осквернены Той, что Жаждет. Эта перемена уже отметила их некогда гладкие панцири шипами и чешуей, словно неживая психокость, из которой состояли их тела, жаждала возродиться в облике исчадия Хаоса. Все они были заражены безумием.

Ашантурус танцевал гибельную павану с искаженными мертвецами, отскакивая и уворачиваясь от их хлещущих лезвий и сокрушающих конечностей. Он не поднимал на них оружия и, с неизменной ухмылкой маски на лице, постепенно обращал их ужасающую мощь против них самих. Небрежными шагами он миновал клинок за клинком, сцепив руки за спиной, и с легкостью избегал сжимающихся когтей, заходя за спины своим шатающимся врагам. Одна за другой совращенные оболочки начали разбивать друг друга на части в неуклюжих попытках уничтожить врага.

Через несколько мгновений прибыл Ло'тос и застал Ашантуруса в разгар его упражнений. Будучи Мастером-мимом и фокусником труппы, Ло'тос знал свое место и без промедления начал собственное представление, основываясь на игре Ашантуруса. Начал он с того, что стал по-обезьяньи подражать движениям Короля-Солнце, шагая след в след с лидером труппы. Следуя за ним клоунской тенью, Ло'тос едва избегал стремительных конечностей-клинков, от которых Ашантурус уходил без всяких усилий. Ло'тос с притворным ужасом прыгал от одной мертвой машины к другой, прежде чем метнуться обратно и снова идти по стопам Ашантуруса. Вскоре он порхал вокруг своего предводителя и короля, словно в беспомощной мольбе, пока тот не заставил последний из автоматов напороться на обломки его сородичей.

Ло'тос выпрямился и замысловато поклонился Ашантурусу, который ответил тем же жестом, хотя его поклон и не был столь глубок. Двое на миг замерли в этой позе, чтобы обозначить конец представления. Ашантурус выглядел блистательно, облаченный в великолепный алый костюм и отделанную золотом маску. Он резко контрастировал с Ло'тосом, лицо которого постоянно изменялось, а сухощавое тело казалось скрытым в тени.

– Это было неподобающе, Ло'тос, – укорил его Ашантурус глубоким, медоточивым голосом. – То, что здесь произошло, взывает скорее к трагедии, нежели к комедии.

Маска Ло'тоса мгновенно завихрилась и стала карикатурой на плачущее эльдарское лицо, чаще всего символизирующее лунную богиню Ишу. Фокусник вновь низко поклонился Ашантурусу и стал самим воплощением раскаяния.

– Трагедия, случившаяся здесь, сотворена не Ло'тосом, – сказал другой голос, на сей раз столь же прохладный и текучий, как звездный свет, танцующий на глубоких водах. – Ты должен даровать ему прощение, мой король шутов.

Ашантурус повернул ухмыляющуюся маску к новоприбывшей и безразлично пошевелил рукой в сторону Ло'тоса.

– Сей же миг я прощаю его, моя таинственная королева, ибо рад я, что ты вовремя явилась в это место, погруженное во мрак.

Цилия, Королева-Луна и Провидец Теней их труппы, вышла из портала, по-прежнему скрытая плащом и капюшоном. Ее маска представляла собой зеркальный овал, скрывающий лицо, а за спиной, словно ветвистые рога, расходились трубки *крейданна*, устройства для метания снарядов.

– Я чувствую, что здесь было сотворено великое зло, и сотворено слишком быстро, чтобы эти воины-призраки успели вмешаться и защитить свой дом, – печально проговорила Цилия. – Боюсь, что именно эта неудача привела их к безумию.

Когда она, ступая с бесконечной грацией, легко прошла вперед, стало видно, что за ней следовала угрожающая тень, закованная в броню фигура, все снаряжение которой было изукрашено костями и символами смерти. Этот арлекин носил маску в виде ухмыляющегося черепа и был известен как Храдхири Ра, *маргроах* труппы, иначе называемый Шут Смерти. В руках он держал тонкую, покрытую желобками пушку, столь же длинную, сколь высок был его рост. Храдхири Ра огляделся, озирая разбросанные повсюду останки призрачных стражей, и выразительно перевел взгляд на Ашантуруса.

– Достаточно тяжко быть призванным куда-то без объяснений, – прошептал Храдхири Ра голосом, от которого по позвоночнику слушателя словно пробегали ледяные пальцы. – И все ж неприятнее прибыть и обнаружить, что дело уже сделано.

– Причина, по которой наш странствующий друг призвал нас, больше, чем одно лишь это искажение, – возразила Цилия. – Я чувствую, что эти несчастные разбитые сосуды – лишь начало той скорби, что мы еще откроем в этом месте. Послушайте – чего вы здесь не слышите?

Все четверо подняли головы, прислушиваясь, и через миг снова смотрели друг на друга.

– Бесконечный цикл абсолютно безмолвен, – сказал Ашантурус.

– Духи мертвых снова немы, – согласился Храдхири Ра своим загробным шепотом. Ло'тос ссутулил плечи и скрестил руки на груди, но сохранил молчание.

– Этот искусственный мир омертвел и истлевает без защиты духов предков, – сказала Цилия. – Самое меньшее, что мы можем сделать – обезопасить его врата, прежде чем его яд просочится наружу, в Паутину.

– Тогда возьмемся же за дело, – решительно заключил Ашантурус и хлопнул в ладоши. По одному и по двое из теней легким шагом выходили другие члены труппы, которые беззвучно явились к своему господину и госпоже, пока те разговаривали. По большей части это были крадущиеся мимы или проворные актеры, но среди них виднелось и немного младших Шутов Смерти и Провидцев Теней. В целом их было не более двух дюжин, но для эльдаров-арлекинов это был необычно мощный Маскарад.

Ашантурус разослал их во все стороны, чтобы запереть паутинные порталы искусственного мира и разыскать выживших, хотя он почти не надеялся, что удастся найти кого-то целым и в здравом уме.

Члены труппы уже тысячу раз повидали подобные, но все же несколько отличающиеся от этого корабля места. Изгибающиеся стены коридоров и овальные дверные проемы, гладкие спиральные пандусы и открытые купола, в которых росли леса, – все это было хорошо знакомо тому, кто хоть раз бывал на борту эльдарского искусственного мира. Но на этом мире золотые огни в куполах угасли, гладкие стены были разрушены, а двери расколоты в щепы. Некая сила явилась на этот искусственный мир и атаковала его с немыслимой яростью.

С течением тысячелетий и без того конечное число искусственных миров неуклонно и трагически

снижалось: с них взимали дань как внутренняя вражда, так и внешние враги, а порой они просто исчезали. Любой из потерянных миров-кораблей всегда оплакивался, его гибель расследовалась, и, если того требовали обстоятельства, за нее мстили.

Искусственные миры странствовали по великому колесу галактики с самого Падения. Каждый из них хранил в себе сообщество эльдаров, которым хватило дальновидности, чтобы избежать неописуемой катастрофы, поглотившей подавляющее большинство их расы. Гигантские корабли были странами, крепостями, жилищами, парками и сохраняющими жизнь ковчегами, и каждый из них был живым существом в той же мере, что и творением техники и инженерной мысли. Значительная часть структуры, лежащей в основании искусственного мира, выращивалась и обретала форму благодаря удивительным психоформирующим умениям его обитателей.

Безмолвный зов, который собрал труппу в этом месте, манил их все дальше в глубины искусственного мира. Свет и тепло постепенно исчезали по мере продвижения в центр его медленно падающего остова. Потом и гравитация стала все больше ослабевать. Теперь, вместо того, чтоб шагать, члены труппы вынуждены были отталкиваться от перекладин и опор, прыгая среди парящих в воздухе обломков. Они легко перескакивали через пространства, где верх и низ утратили все значение, потолки стали полами, а коридоры – вертикальными шахтами. В этих запутанных пространствах труппа и встретила первые настоящие ловушки, оставленные теми, кто атаковал искусственный мир.

Ло'тос взялся за свою естественную роль и устремился вперед, выискивая потенциальные сцены выступлений. Когда он проник за изгиб одного коридора, его внимание привлекла крошечная беззвучная вспышка впереди. Невинно выглядящий комок обломков и мусора покатился в сторону фокусника, раскрываясь подобно цветку по мере того, как он набирал скорость. Ло'тос мгновенно распознал угрозу. Он отреагировал быстрее мысли, метнувшись в сторону и забившись в узкую трубу лишь едва шире его плеч. Ком мелькнул мимо его укрытия смертоносным размытым пятном, и спрятанная внутри него невидимая масса моноволоконных нитей рассекала все, к чему прикасалась, отделяя молекулы от молекул.

В дюжине шагов позади Ашантурус, Храдхири Ра и Цилия увидели, как фокусник отпрыгнул в сторону, лишь за несколько секунд до того, как мимо пролетел крутящийся ураган обломков. Когда тот долетел до них, он уже удвоился в размере, так как режущие мономолекулярные нити постоянно добавляли ему массы, вырывая куски из стен, пола и потолка. Цилия инстинктивно защитилась, вскинув руки и призвав сферу из психической силы, оградившую всех троих. Энергия рассеяла летящую массу так же легко, как нос корабля рассекает волны. Моноволоконную паутину разбросало по сторонам, где она усеяла стены коридора острыми как бритва петлями и остановилась, растратив всю инерцию до конца.

Трагическая маска фокусника осторожно выглянула из трубы, как только он удостоверился, что опасность миновала. В ответ на него уставилось лицо-череп Храдхири Ра. Ашантурус был занят тем, что сообщал о новом открытии другим членам труппы и предупреждал, чтобы они вели себя еще более осторожно.

– Мы думали, что потеряли тебя, – прошептал Шут Смерти. – Выбирайся из этой дыры, пока наши критики не стали еще более язвительными.

– Как это сделали, Храдхири? – спросила Цилия, и легкая модуляция в ее голосе заставила Шута Смерти прерваться, повернуться и с удивлением взглянуть на зеркальный овал ее маски. Он мог поклясться, что голос Провидицы Теней звучал так, будто она нервничала.

– Было бы достаточно простого сенсора, реагирующего на движение, и взрывчатого заряда, – прошептал Шут Смерти. – Любой мон-ки мог бы прийти к такой мысли, но моноволоконная паутина – эльдарское оружие.

Цилия кивнула, ее капюшон опустился, покрывая тенью гладкие изгибы лица. Ашантурус перевел взгляд на них обоих. Ухмыляющаяся, отделанная золотом маска предводителя труппы в темноте казалась зловещей и погруженной в раздумья.

– Само по себе моноволокно еще ничего не значит: у нас самих его достаточно, чтобы соткать из него звездолет, – резко сказал руководитель труппы.

– Именно так, – прошептал Храдхири Ра. – Но кто еще им владеет? Варп-пауки? Отступники? Кабалиты? Список краток, и в нем – наша первая улика, указывающая на то, кто ответственен за эту трагедию.

Ло'тос, в свою очередь, только пожал плечами и размыл лик своей маски, проявив на нем крутящуюся массу обломков, которая неслась на него. И так, вооруженный образом своего врага вместо лица, фокусник начал еще более осторожно красться вперед, опираясь на ладони и пальцы ног, словно паук с четырьмя лапками.

Следующая ловушка отличалась от предыдущей: это был улей микроскопических машин, запрограммированных, чтобы срезать плоть и ободрать кости любого живого существа, которое они почуяли бы поблизости. Ло'тос издалека засек почти беззвучное гудение машинного гнезда и выследил его, прикрывшись вуалью психической тени. Когда круглый улей был обнаружен, визжащая пушка Храдхири положила конец и ему, и его обитателям, пока те не успели причинить какой-либо вред.

Ашантурус получал все новые доклады от других трупп, движущихся по искусственному миру. Они нашли и обезвредили другие ловушки. Их распределение казалось случайным, а устройство варьировалось, но все они отличались особенно жестоким коварством, которое предводитель труппы нашел весьма и весьма знакомым. Этот искусственный мир был мал, лишь чуть больше города, в то время как величайшие из миров-кораблей имели размеры континентов. И все же он обладал слишком большой площадью, чтобы можно было осмотреть ее всю, имея лишь горстку арлекинов. К тому же на чашу весов возлагался риск потерь, что делало задачу невыполнимой. С сожалением Ашантурус приказал труппам прекратить бесплодные поиски выживших и сконцентрироваться на том, чтобы закрыть паутинные порталы искусственного мира.

– Значит, он действительно потерян? – спросила Цилия.

– Я не могу рисковать нашими жизнями, разыскивая выживших, которых, возможно, не существует, – с тяжестью в голосе сказал Ашантурус.

– Они есть, я чувствую это, – сдержанно ответила Цилия. – Но я боюсь, что нам уже не под силу их спасти.

Добравшись до самых глубоких залов искусственного мира, они наконец встретили его уцелевших обитателей. Лишенные защиты, которую давали психические печати, встроенные в их родной мир-корабль, они были искажены пагубным влиянием Той, что Жаждет, и превратились в гибких змееподобных существ. В них едва можно было узнать эльдаров: это были стенающие, непропорциональные создания, которые стремительно деградировали до уровня примитивных мутантов. Чудовища отвлеклись от охоты друг на друга и с радостью устремились к новым товарищам по играм, вытянув когти и вывалив языки.

Ло'тос немедленно заметался перед ними, отвлекая, превратившись в мелькающую тень, которая раздулась в устрашающую грозовую тучу, а потом исчезла, испарилась в ничто на глазах у врагов. Пускатель-крейданн Цилии выплюнул веер ярких искр, которые с воем промчались сквозь воздух и приземлились в гуще проклятых созданий, испуская облака цветного дыма. Галлюциногенный газ, содержащийся в дыме, и психическое плетение Провидицы Теней обратили толпу мутантов в ничего не понимающую массу дергающихся конечностей. Шатаясь, смеясь, заплетаясь и плача, бывшие эльдары терзали когтями друг друга и самих себя.

Храдхири Ра с мрачной целеустремленностью выступил вперед, навел визжащую пушку и посмотрел на Ашантуруса, ожидая приказа начать жатву. Руководитель труппы долгие секунды вглядывался в орду врагов, которая катилась на него, по-прежнему воя и отмахиваясь от незримых мучителей. Толпа мутантов слепо неслась вперед, становясь все ближе, и все же Ашантурусу как будто не было до них дела – был ли он зачарован или полон ужаса перед ними, взгляд ухмыляющейся маски казался полным безразличия.

– Ты собираешься ждать, пока не сможешь пожать им руки? – с досадой прохрипел Храдхири Ра. Ближайшие враги уже почти задевали конец его пушки. Наконец, Ашантурус едва заметно кивнул Шуту Смерти, и его орудие затянуло песнь смерти.

Как и пускатель, эта пушка была оружием, характерным лишь для эльдаров-арлекинов. В то время как более распространенные виды эльдарского вооружения мечут вращающиеся диски с мономолекулярным краем, что рассекают жертв на части, визжащая пушка заряжена модифицированными дисками, несущими в себе дозу ядовитой кислоты. Кислота эта исключительно активна, и, смешавшись с телесными жидкостями, которые наличествуют в большинстве живых существ, создает взрывную реакцию впечатляющей мощи. Поэтому визжащая пушка называется так не только из-за звука при стрельбе, но и из-за воплей, которые издают ее жертвы в краткий миг перед тем, как взорваться кровавым облаком.

Храдхири Ра наступал на мутантов, элегантно поводя стволом пушки влево и вправо. Выстрелы выбивали уверенный ритм, и красный туман заполнил воздух, когда несчастные выжившие стали один за другим разлетаться на куски. Длинный плащ и украшенные костями доспехи Шута Смерти вскоре стали скользкими от крови, но он продолжал свой безжалостный натиск. Мутанты уже были дезориентированы галлюциногеном Цилии, запутаны фокусами Ло'тоса, но даже сквозь пелену безумия они видели рядом с собой окровавленного сеятеля смерти, и это для них оказалось уже слишком. Выжившие дрогнули и попытались сбежать, карабкаясь по стенам и уползая к дверям под низкой гравитацией.

Но им не суждено было спастись. Храдхири Ра повернул пушку к тем, что были ближе всего к выходам, и перед распадающейся массой змееподобных существ взметнулись новые алые фонтаны. Мутанты толпились, шатались и метались туда-сюда, бессвязно бормоча от ужаса. Шут Смерти продолжал наступать. Снаряд за снарядом врезались в стаю, поднимая какофонию предсмертных воплей. Но Храдхири Ра подошел слишком близко. То ли случайно, то ли вдохновившись отчаянием, немногие оставшиеся мутанты повернулись и набросились на Шута Смерти, пытаясь повергнуть своего злейшего врага.

Храдхири Ра внезапно обнаружил себя под атакой со всех сторон и уже не мог воспользоваться своей пушкой с наилучшим эффектом. Ашантурус, Цилия и Ло'тос в тот же миг кинулись на помощь, но было уже слишком поздно. Шут Смерти полностью скрылся под массой извивающихся кольчатых тел. Мелькали когти, щелкали клыки, и в миг ужасной кульминации брызнул яркий багряный поток.

Ашантурус пробормотал проклятье и уже собрался ворваться в толпу, как вдруг чудовищ разметал еще один кровавый взрыв в самой ее середине. Куски костей и внутренностей осыпали тесно сплетшиеся тела подобно шрапнели, разрывая их на части.

– Храдхири! – не в силах поверить, крикнула Цилия в распухающее облако кровавого тумана. В нем ничто не шевелилось.

Ло'тос отвел взгляд и начал медленно аплодировать. Глухие хлопки его затянутых в перчатки рук на секунду оказались единственным звуком в тишине. Ашантурус и Цилия уставились на Мастера-мима, недоверчиво склонив свои маски – они были удивлены его реакцией на гибель товарища. Ло'тос сделал извиняющийся жест.

– Я ожидал от вас лучшей реакции, – прошептал Храдхири Ра за их спинами. – Неужто вы собираетесь и впредь ужасаться всякий раз, когда я побеждаю смерть?

Они оглянулись и увидели Шута Смерти, появившегося из теней. Он небрежно обошел изумленных Высшего Аватара и Провидицу Теней, направляясь к груде змееподобных трупов, оставшихся от последних мутантов. Он вытащил пушку из кровавого кратера в центре кучи и отряхнул ее от ошметков.

– Как ты спасся от них? – спросил Ашантурус.

Храдхири Ра равнодушно опер свое орудие прикладом на бедро.

– Маргроаху ведомы секреты неожиданного спасения, но зритель должен разгадать их сам, – сухо прошептал он.

– Столь много и все же так мало, – проговорила Цилия, глядя на убитых. – Даже такой небольшой искусственный мир, как этот, все же был бы домом для многих тысяч душ, но я чувствую, что теперь, когда они погибли, здесь больше никого не осталось.

– Покинули они сей бренный мир, – сардонически добавил Храдхири Ра, чем заработал резкий взгляд от Ашантуруса, а Ло'тос в ответ издал тихий звук, как будто его подташнивало.

В конце концов предводители труппы вышли на просторный проспект, который плавными изгибами поднимался к широкой арке. Некогда пространство за аркой оберегали от вторжения внушительные ворота, но теперь их обломки лежали на ступенях, словно кучи опавших листьев.

Ло'тос припал к земле, чтобы обследовать их останки, и пошевелил длиннопалой рукой почерневшие осколки. Он поднял один кусок и раскрошил его меж двумя пальцами. Его намек был ясен: какая бы сила не ударила по вратам, она имела энтропическую природу и атаковала связи между частицами, сделав материальную основу структуры не более прочной, чем гнилая древесина.

Ворота были уничтожены высокими технологиями, и это служило еще одним доказательством – если таковое еще требовалось – что в эту глубочайшую святая святых могли прорваться только эльдары или их злейшие враги из эпохи легенд.

За аркой находился купол кристальных провидцев. Обычно психически проводимая призрачная кость бесконечного цикла позволяла душам мертвых жителей искусственного мира бродить по всему своему бывшему дому. Призрачные конструкции-воины даже предоставляли физическое воплощение для тех, кто хотел перемещаться за его пределами. Однако в большинстве своем души хотели лишь остаться в бесконечном цикле и, как правило, их сильнее всего тянуло к куполу кристальных провидцев.

Эльдары, посвятившие часть своей долгой жизни пути провидца, приходили в купол, чтобы наконец сбросить с себя мантию смертности, постепенно входя в бесконечный цикл. В куполе их атрофирующиеся тела медленно трансформировались в психоактивный кристалл, который за бессчетные тысячелетия мало-помалу разрастался в фантастические древовидные структуры, напрямую связанные с циклом. Это место должно было находиться в самом бьющемся сердце бесконечного цикла искусственного мира. Это должно было быть место, где мудрость и знания предков поистине пульсируют в воздухе, куда многие поколения собирались все до единого умершие обитатели мира, чтобы стены и сигилы вечно оберегали их от Той, что Жаждет. Но вместо этого наделенные психическим чутьем арлекины ощущали, что купол мертв и пуст.

Купол был частично заполнен низкими барханами переливчатого песка, в воздухе витали сверкающие нити – свет отражался от дрейфующих кристаллических пылинок. Безмолвный зов притянул арлекинов к этому месту, но, судя по всему, они прибыли слишком поздно, чтобы спасти его.

– Уничтожен, полностью разорен, – сказал Ашантурус голосом, дрожащим от холодной ярости. – Взгляните, все камни душ похищены… или разбиты.

Они посмотрели и увидели, что сказанное Высшим Аватаром было правдой. Изогнутые стены купола демонстрировали тысячи пустых щербин там, где раньше были камни духа, вплетенные в бесконечный цикл. Каждый житель искусственного мира носил подобный талисман, который спасал его в случае гибели. Камень становился безопасным пристанищем для его души, пока его не относили сюда, чтобы внедрить в вечный цикл. И так на протяжении тысячелетий внутренняя часть купола покрывалась растущим созвездием искрящихся камней духа.

– Должно быть, сюда вторглись прислужники Великого Врага, – неуверенно прошептал Храдхири Ра, – но я не понимаю, как стражники могли это допустить. Они бы воззвали к Каэла Менша Кхейну и отбросили захватчиков, или послали бы за помощью к другим искусственным мирам, или, может, даже бросили бы свой мир и сбежали. Я не вижу признаков того, что они попытались сделать хотя бы что-то из этого.

Ло'тос опустился наземь и сжался в плотный комок, обхватив руками колени. Его вращающаяся фрактальная маска уставилась на разбитые останки целого народа. Народа этого искусственного мира, который пережил Падение и все, что последовало за ним, только чтобы его история окончилась здесь. И хотя в свое время он был свидетелем даже больших злодеяний, чем это, мастер-мим все же невольно содрогнулся.

– Цилия, – отрывисто позвал Ашантурус. – Ты можешь открыть, что произошло в этих стенах. Твое колдовское зрение покажет события прошлого. Взгляни же, взгляни и узнай, кто повинен в этом осквернении.

Цилия помедлила.

– Подобное деяние небезопасно, мой Король-Солнце. Если здесь побывал высший демон, он почует меня в тот же миг, как я увижу его. И тогда, быть может, меня не спасет даже защита Смеющегося Бога. Ни пространство, ни время не смогут остановить эту сущность, если она ощутит вкус моей души…

Голос провидицы теней, словно извиняясь, постепенно сошел на нет под взглядом Ашантуруса. Она не хотела окончательно отказывать Высшему Аватару, но знала, что ощущаемая ею опасность действительно реальна. Акты насилия и мерзости всегда оставляли свой след на местах в материальной вселенной и подводили их все ближе к истинному Хаосу. Обитатели Хаоса, могущественные создания, которые существовали в его бесконечной среде, могли проявляться за пределами своей реальности, и

для этого им порой нужна была не более чем зацепка: слово, символ, а иногда всего лишь мысль.

Ло'тос бросил взгляд в сторону, и его маска резко изменилась. Из летящих обломков она превратилась в стилизованное улыбающееся лицо, чаще всего ассоциируемое с Цегорахом, Смеющимся Богом. Мастер-мим коротко кивнул в знак приветствия.

– Я могу избавить тебя от этого ненужного риска, – сказал новый голос. – Ты ничего бы не нашла.

Храдхири Ра резко развернулся и поднял пушку, в мгновение ока нацелив ее на новоприбывшего. Изящная фигура, попавшая под прицел Шута Смерти, подняла руки, изображая сдачу.

– Чтобы скрыть сцену преступления, использовались психические крикуны, – жизнерадостно объяснил новый гость. – Кто бы это ни сотворил, он тщательно постарался не оставить никаких легкодоступных свидетельств своих деяний.

– Пестрый, – фыркнул Храдхири Ра и снова поднял пушку дулом вверх.

Гость был строен, невысок и одет в архаичный костюм, который на первый взгляд казался серым. Более пристальное изучение говорило, что его ткань составлена из крошечных перемежающихся ромбов черного и белого цвета, бесконечно повторяющих друг друга. В отличие от арлекинов в масках, закрывающих все лицо, новоприбывший носил домино – полумаску, прикрывающую только верхнюю половину лица. На нижней, открытой половине виднелись полные красные губы и чрезмерно подвижный рот, который в настоящий момент сиял дружелюбной улыбкой.

– Это действительно я, все тот же самый Пестрый, о мой костлявый друг. Я очень рад всех вас встретить. Я думал, вы сюда никогда не доберетесь, хотя, разумеется, всячески надеялся на противоположное.

– Избавь меня от своих заверений в дружбе и доброжелательности, порождение Хаоса, – холодно произнес Ашантурус. – Ответь, чем ты оправдываешь свое присутствие здесь, и по какому праву ты призываешь Маскарад присоединиться к твоим вечным скитаниям?

Пестрый низко поклонился, выглядя глубоко смущенным.

– Прости своего заблудшего слугу, мой благородный король, я желал лишь озарить этот темный миг теплым даром смеха. Я призвал Маскарад по праву самопожертвования, как тот, кто завещан погибели нашего народа и стоит на лезвии бритвы между апофеозом и уничтожением. Желаешь ли взглянуть на мою верительную грамоту?

Пестрый поднял одну руку к маске-домино, словно намереваясь снять ее, но Ашантурус покачал головой.

– Не надо, шут, я вижу, что Цегорах прикоснулся к тебе. Зачем еще ты бы осмелился на такое, кроме как по наущению Смеющегося Бога – если только теперь ты не служишь иной сущности, и именно она движет твоими желаниями?

Пестрый покачал головой и опустил руку.

– Если бы это произошло, то вам бы это сразу стало очевидно. Начать хотя бы с того, что и вашим собственным душам рядом со мной было бы небезопасно. Ну что, все согласны, что я – тот, кем себя называю, и не больший шут или подменыш, чем обычно?

Ашантурус властно вздернул подбородок.

– Воистину, – сказал Высший Аватар, – хотя ты не слуга мне, ни заблудший, ни какой-либо иной, и не должен объявлять себя таковым даже в шутку.

– Принимаю к сведению, – Пестрый снова поклонился, почти зарывшись носом в кристаллическую пыль, и остался в таком положении. – Я ниже, чем червь, и никому не слуга, кроме моего собственного убогого чувства вкуса – плюс нашего общего божества, покровителя и благодетеля – и нашего общего заклятого врага, рока нашего народа…

– Достаточно, Ашантурус! – воскликнула Цилия. – У Пестрого для нас наверняка есть скверные новости. Вели ему рассказать их и прекрати свою игру!

На этот раз пришел черед Ашантуруса выглядеть смущенным: он даже слегка дернулся от этого горячего всплеска эмоций. Но все же он быстро пришел в себя и царственным жестом повелел Пестрому встать.

– Говори же, плут, расскажи нам о том, что здесь случилось, – несколько угрюмо произнес Ашантурус.

– Умираю от предвкушения, – с иронией прошептал Храдхири Ра. Пестрый сверкнул в его сторону быстрой улыбкой, одобряя шутку.

– Как вы, несомненно, и предполагали, жители искусственного мира подверглись атаке и были быстро разбиты. В своих странствиях я побывал на многих, многих искусственных мирах, но этот был для меня нов. Я обнаружил его примерно в том же состоянии, в каком вы видите его сейчас.

– Мы не подозревали тебя в этих разрушениях, если вдруг ты сомневался, – сухо прошептал Храдхири Ра.

– Что хорошо, но вы были правы, если решили, что это произошло недавно. Не так уж много времени прошло с тех пор, как это место было разорено. Судя по количеству камней духа, которые здесь находились, – Пестрый повел вокруг рукой, охватив весь купол, покрытый пустыми ячейками, – я думаю, что этот мир довольно долго был затерян в варпе, и большая часть его обитателей уже ушла в бесконечный цикл, когда он вышел оттуда.

– Тогда кто напал на него, и зачем? – потребовал ответа Ашантурус, вернувший часть прежнего величия. – Они не могли представлять никакой угрозы.

– О да, в этом-то и есть загвоздка. Судя по тому, что я увидел, они заперли все порталы в Паутину. Они, должно быть, даже не знали, что есть и другие выжившие в Падении, и опасались вторжения демонов или чего-то подобного – надо сказать, не без причины. Как бы то ни было, они сами себя замуровали, и никто не знал об их существовании. Я даже не смог найти никаких указаний на название этого искусственного мира.

– Как же ты тогда его нашел, Пестрый? – мягко спросила Цилия.

– Ну как же, следуя за собственным носом, ваше величество, как я всегда делаю, – ответил Пестрый, демонстративно постучав по упомянутой части тела пальцем. – Я буквально наткнулся на него и вскоре осознал… что ж, я понял то, что теперь вам всем очевидно. Простите, что не встретил вас у портала, но я почувствовал, что вам надо пройти дальше вглубь, чтобы самим все увидеть перед тем, как принимать решения.

– Не отвлекайся, шут, твоя ненужная болтовня начинает оскорблять мой слух, – мрачно проговорил Ашантурус. – Кто совершил нападение? Какова была их цель?

– Я приближаюсь к этому так быстро, как могу, ваше величество, это не так-то просто объяснить и, на самом деле, я не имею на руках все факты. Однако, из тех, что у меня есть, я могу заключить, что…

Ашантурус прижал ладони к своей маске, демонстрируя досаду, а затем ткнул пальцем в сторону Пестрого и воскликнул громовым голосом:

– Кто. Это. Сделал? Отвечай!

Пестрый застыл и замолчал, повесив голову от стыда.

– Этого я не знаю, – нехотя признался он.

Храдхири Ра издал угрюмый смешок. Ашантурус вскинул руки и величаво удалился, с каждым шагом поднимая радужные облака пыли. Через миг вперед вышла Цилия, из-под капюшона которой виднелся узкий край зеркальной маски, похожий на восходящую луну.

– Что ты можешь поведать нам, Пестрый? – кротко спросила она. – Ашантурус не приказал тебе остановиться.

Пестрый улыбнулся и продолжил, как будто его не прерывали.

– Из тех немногих фактов, которые я выяснил, я могу заключить, что выжившие обитатели мира, по причинам, которые мы никогда не узнаем, на самом деле открыли несколько порталов в Паутину. Они, должно быть, отчаялись, раз сделали это, проведя столь много тысячелетий одни, во тьме, или же, может быть, у них были другие, неизвестные нам причины.

Ашантурус стоял поодаль остальных, но его осанка и то, как он держал голову, говорили о том, что он слушает, хотя и невольно. Пестрый продолжал болтать, слова истекали из него сплошным журчащим потоком.

– И вот они распечатали порталы, и внутрь не ворвались стаи демонов, и тогда они, наверное, подумали, что жизнь для них продолжается, несмотря ни на что. В тот момент они должны были быть счастливы, и еще счастливее они стали, когда обнаружили, что их собственная раса, раса эльдаров, пережила Падение. Понимаете, их кто-то нашел, и довольно-таки вскоре после того, как они открыли свой искусственный мир. Как бы быстро я не добрался сюда, этот кто-то был на порядок быстрее. Они, скорее всего, наблюдали за порталом, не открывавшимся уже тысячи лет, и ждали, когда тот откроется, так что прибыли сюда… первыми. Мне же не надо говорить вам, кто это, по моему мнению, был, нет?

– Да! – с досадой выкрикнули Цилия и Храдхири Ра одновременно. Пестрый глубоко вздохнул, видимо, не желая никого обвинять и все же не в силах отрицать то, что увидел собственными глазами.

– Я думаю, у них побывали гости из Комморры, – через миг сказал он. – Первым их нашел кто-то из вечного города.

– Очевидно, именно на эту мысль нас и подталкивают, – пренебрежительно бросил через плечо Ашантурус. – Об этом говорят оставленные ими типичные ловушки.

– Я тоже так сначала думал, – пожал плечами Пестрый. – Слишком очевидно, но потом я снова призадумался и спросил себя, зачем отступникам или жителям искусственных миров тратить время на подобный поступок? Оглянитесь… из этого места выдрали все камни духа и призрачную кость. Искусственные миры никогда бы их не забрали, для них даже помыслы о чем-то подобном – чернейшее из всех возможных преступлений. Большинство отступников не настолько ценят их и не опускаются так

низко, чтоб их похищать. Нет, только в Комморре за такие вещи, как плененные души и краденая психокость, дают столь высокую плату кровью, что кабалы готовы совершить практически любое злодеяние, чтобы заполучить их.

– Ничто из этого не меняет того, что сказал Ашантурус, – вздохнула Цилия. – Какой-то совет провидцев мог бы прийти к выводу, что организация этого надругательства заставит искусственные миры объединиться и атаковать Комморру. Один-единственный отступник, затаивший злобу, мог бы сотворить все это, как чудовищную месть за какую-то позабытую обиду…

– Да, всему этому я отвечаю – да! – с восторгом пропел Пестрый. – Я бы с куда большей охотой увидел в этом какой-то гнусный заговор, чем деяния комморритского кабала, который делает то, что для него естественно. Это просто слишком тоскливо и печально. Я просто ответил на ваш вопрос так, как я сам думаю. Может быть, с вашей помощью удастся доказать, что я не прав, хм?

Над сценой повисло молчание. Ло'тос продолжал сидеть на корточках, на его маске теперь играл калейдоскоп различных изображений. Цилия и Храдхири Ра стояли перед невысокой фигурой Пестрого, словно костяное изваяние Смерти и худое привидение, угрожающие ребенку. Ашантурус стоял в стороне, в царственной надменности. И все же, последнее слово в решениях труппы принадлежало Высшему Аватару, и именно он наконец нарушил тишину.

– Тогда каких действий ты от меня ждешь? – спросил Ашантурус.

– Как я объяснил, я правда не знаю, кто и почему это сделал, – улыбнулся Пестрый. – Но у меня есть кое-какая очень важная информация, которая может, в свое время, разрешить все иные вопросы.

– И что это за информация, Пестрый? – прошептал Храдхири Ра. – И почему ты так долго ждал, прежде чем поделиться ею?

– Потому что вы упорно продолжали задавать вопросы о том, кто это сделал, – сказал Пестрый с невероятно раздражающей ухмылкой. – Вы напирали на то, чего я не знаю, а только предполагаю. Едва ли меня можно признать виновным в этом, не правда ли?

Храдхири Ра склонил маску-череп в ответ.

– Теперь я вспомнил, почему мы стараемся не так часто пересекать наши пути, – прошептал Шут Смерти. – Прошу, прости мою нетерпеливость и продолжай.

– Итак, как я уже говорил, я не знаю, кто это был и почему это сделал, но…

Он снова сделал драматическую паузу, и все четверо ведущих актеров уставились на стройную фигуру Пестрого с плохо скрываемым нетерпением.

– …я знаю, куда они ушли. В эти врата, – сказал Пестрый с лукавой улыбкой. – Я вошел вон в тот портал, и когда я исследовал остальные, эти врата были единственными, которые активировались в недавнем прошлом.

В наклонной стене перед ними находилась дюжина листообразных варп-врат размером не больше, чем обычные дверные проемы.

– Зная, откуда начался путь, будет совсем несложно выследить эту кавалькаду скорби в Паутине, – прошептал Храдхири Ра. – Краденые камни духа, которые они унесли, должны были рыдать всю дорогу.

Они закрыли и заперли все порталы искусственного мира, за исключением того, что показал им Пестрый. Цилия разыскала аварийные контрольные системы и заставила их снова наполниться неровным трепетом жизни на достаточное время, чтобы можно было проложить новый курс для гигантского корабля. Они долго спорили о том, что следует сделать, и кричали, что пожертвовать подобным судном, даже настолько искалеченным, было бы преступной потерей для всей расы.

В конце концов они смогли сойтись на том, что в нынешнем состоянии этот искусственный мир нельзя отыскать. Цилия настроила курс так, чтобы он вернулся в глубины пустоты, и они покинули мир, бросив ему вслед немало взглядов. Даже лишившись призрачной кости и камней духа, искусственный мир по-прежнему обладал неким незримым присутствием. Как будто от множества тех, кто прожил всю жизнь в его стенах, осталось какое-то неопределенное ощущение жизни и сознания. Более ясно чувствовалось медленное, постепенное угасание того, что некогда было громадным и великолепным. Огромный корабль был титаническим трупом, который хранил лишь намек на то, насколько велик был он, будучи целым и живым.

Они повернулись спинами к темному миру, погружающемуся в многоцветные глубины пустоты, и снова пустились в путь по Паутине. Единственная нить вероятности вела их сквозь время и пространство в царство, лежащее за пределами как варпа, так и материальной вселенной, в дождевую каплю реальности, дрожащую на многомерных переплетениях Паутины, пузырек материи, похожий и все же не похожий на множество себе подобных, сотворенных из вечно бурлящей пены варп-пространства.

Глава вторая - Траурная Марка

Выйдя из портала, архонт Кассаис с нескрываемым презрением уставился на бурные, истерзанные штормами небеса Траурной Марки. Далеко в море он мог различить гравилеты с длинными корпусами, которые что-то сбрасывали в металлически-серые воды. Странно, он-то считал, что весь смысл этого места в том, чтобы доставать вещи из воды, а не класть их обратно.

Кассаис мысленно пожал плечами. В свое время он посетил сотню различных субцарств. Ни одно из них и близко нельзя было сравнить с мрачным великолепием Комморры, вечного города со сверкающими шпилями и бесконечно вьющимися улицами. Следовало отдать должное: некоторые субцарства обладали некой первобытной энергией и примитивной дикостью, которая обостряла аппетит и усиливала низменные инстинкты, доводя их до приятной высоты. Но он уже знал, что Траурной Марке не суждено было стать одним из этих мест.

Траурная Марка обладала дикостью, ее там было предостаточно, но было крайне маловероятно, что она способна предоставить хоть что-нибудь иное в плане развлечений. В основном потому, что по каким-то необъяснимым причинам ее создатели решили заполнить большую часть субцарства соленой водой, когда придавали ему форму. Марка по-прежнему была известна как глухая страна, столь первобытная и опасная, что ее практически забросили вскоре после зарождения. Это конкретное субцарство было официально переколонизовано лишь после многих, многих столетий запустения. Кассаис утешил себя тем, что, по крайней мере, он ненадолго останется в этом мрачном месте. Совершит быстрый визит, а потом удалится в какие-нибудь более подходящие царства.

Архонт Кассаис и его свита вошли в этот мирок через поросшую мхом арку недалеко от побережья. Налево и направо вдоль осыпающейся каменной стены тянулась дорога, изрытая глубокими колеями, которая затем начинала круто изгибаться, поднимаясь на нависающие над морем утесы. Убогие хижины

неровно лепились к скалам вдоль дороги, словно многолетние скопления помета, соединенные шаткими с виду лестницами и покачивающимися веревочными мостами. Воздух был наполнен запахом морской соли и гниющей рыбы. Грохот волн и крики птиц атаковали уши Кассаиса самым неприятным образом.

Они начали взбираться по дороге вверх, и воины Кассаиса быстро шагали вперед, расчищая путь его плавно парящему паланкину. Туземцы претерпевали проклятья и удары воинов с нарочитым упрямством, которое граничило с дерзостью, что только сильнее раздражало Кассаиса. Они выстроились по обеим сторонам вдоль узкого пути, наблюдая за продвижением свиты лишенными век, похожими на блюдца глазами. Кассаис поразмыслил над тем, не наказать ли кого-то из них в назидание другим, но нехотя заключил, что не может позволить себе задержку. Собрат-архонт Вайл уже ждал его где-то наверху, и терпеливость не была одной из его сильных сторон.

Очевидно, все острова в Траурной Марке, которые могли похвастаться пригодными для жизни условиями, были довольно-таки похожи на этот. Их глубины заросли мрачными лесами и непролазными чащами, которые стали домом для скрытных леонтиров, драчливых гроксов и других созданий, идентифицировать которых было сложнее. С высоких утесов, окаймляющих острова, открывался вид на вечно бурные моря, в которых, как говорили, аборигены-амфибии строили планы, как погубить всех сухопутных захватчиков.

Атмосфера тут царила явно напряженная, как вскоре начал понимать Кассаис. От толпы, сквозь которую проталкивалась процессия, исходило практически осязаемое ощущение сдерживаемого гнева. Кассаису казалось, будто они продвигаются сквозь густой туман, который нехотя поддается под напором. Все больше тусклых глаз глядело на него с жаждой убийства, которую они быстро скрывали снова. Кассаис жестоко улыбнулся, надеясь, что им хватит глупости попытаться. Двадцати воинов-кабалитов, которых он взял с собой, будет достаточно, чтобы без всяких усилий разорить поселение дотла.

Кассаис поднял взгляд со своего плавно движущегося паланкина. Еще больше лупоглазых морд усеивало здания и мосты наверху. Рано или поздно одному из туземцев покажется, что ему сойдет с рук сбросить горшок с экскрементами на усеянных шипами воинов, пробивающих путь по дороге. Или же кто-то, может быть, просто натолкнется на другого и что-нибудь случайно уронит. Кассаису было все равно, любой провокации было бы достаточно, чтобы ему захотелось убивать. Он облизнулся в предвкушении. Придется только потом объяснить Вайлу, почему он счел нужным искалечить и замучить несколько сотен его подданных.

Наверху началось какое-то смятение, в любой момент могла завязаться схватка. Кассаис с готовностью положил руку на украшенную рукоять своего пистолета.

– Подождите, пожалуйста! – раздался чей-то елейный голос. Гладкокожие туземцы попадали на колени, словно колосья под косой, прикрывая тусклые глаза перепончатыми пальцами. До слуха Кассаиса донесся вой гравитационных двигателей, и через секунду над дорогой неподвижно зависли три небесных колесницы «Яд». Палубы двух транспортов были пусты, но на том, что парил в центре, стояла фигура, задрапированная в пышные одеяния, которые могли бы произвести впечатление в самом вечном городе, если бы это было несколько тысяч лет назад. Кассаису пришлось подавить разочарование, когда он узнал исхудалое лицо владельца этих одежд.

– Йегара! Чего тебе нужно, жаба? – громко окликнул Кассаис. Его воины вскинули головы в шлемах, глядя на новоприбывшего с таким видом, который ясно говорил об испытываемом ими пренебрежении.

– Великий и ужасный Лорд-Сорокопут послал меня найти вас, архонт Кассаис, – ответил тот, кого звали

Йегара. – Он с нетерпением жаждет поохотиться, поэтому он поручил мне отыскать вас и привезти к нему без дальнейшего промедления.

– Бьюсь об заклад, он потратил на это меньше слов, чем ты, – фыркнул Кассаис и осмотрелся, глядя на распростертых ниц туземцев. Они внезапно показались ему куда как менее интересными. – Отлично, вези меня к нему. Я знаю, Вайл может стать до безобразия ворчливым, когда ему скучно.

Йегара заискивающе улыбнулся в ответ. Окажись Кассаис несговорчивей, и его жизнь могла бы стать куда тяжелее.

– Как вы видите, я взял на себя смелость подогнать дополнительные транспорты на случай, если вы предпочтете более… э… прямой путь из трущоб.

– Нельзя усмирить рабов, просто летая туда-сюда над их головами, – попенял Кассаис, слезая с паланкина. – Их надо учить уважению там, где они живут – внизу, в грязи.

– О, это очень хорошее наблюдение… – нерешительно согласился Йегара, когда Кассаис схватился за поручень его «Яда» и запрыгнул на борт. Десять воинов архонта быстро заполнили палубы других машин группами по пятеро.

– Я подумал, может быть, вам захочется взять один из… э… других транспортов для персонального использования, – сказал Йегара с ноткой отчаяния в голосе. Кассаис имел мощное телосложение и был облачен в полный доспех, оставлявший открытым только лицо. На узкой палубе «Яда» было мало места, и сложные складки и гофрированные детали одеяния Йегары то и дело грозили порваться об острия, украшающие лодыжки и локти причудливой брони архонта.

Кассаис наклонился над ним, отчего Йегара отшатнулся и налетел спиной на перила, чтобы не напороться на шипы.

– Ты бы этого хотел, не правда ли? – сказал он в потное лицо Йегары. – Посадить меня одного на какой-то мелкий провинциальный небоцикл и просто довериться Лилиту, чтобы я добрался до пункта назначения целым и невредимым. Но ведь может произойти какой-нибудь трагический несчастный случай, причем, я уверен, совершенно непредвиденный. И все же я готов поспорить, что твой собственный транспорт в идеальном состоянии.

Йегара тревожно сглотнул и выдавил улыбку, с трудом пытаясь сохранить достоинство. Комморриты вроде Кассаиса всегда презрительно относились к чужеземцам, таким, как Ольтанир Йегара. Неважно, что клан Йегара независимо правил Траурной Маркой на протяжении столетий, неважно, что щедрые дары ее морей были жизненно важны для прокорма бесчисленных голодных ртов Комморры. Для Кассаиса имело значение лишь то, что Йегара не был из вечного города. Он был простолюдином, неотесанным провинциалом, варваром, существом лишь чуть выше раба.

Кассаис глядел ему прямо в глаза и заметил, что там разгорается огонек неповиновения. Комморрит безрадостно ухмыльнулся и наклонился еще ближе, оттесняя Йегару назад. Выглядел он так, будто серьезно размышлял над тем, не швырнуть ли того через перила на верную смерть, к камням в сотнях метров внизу. Через долгое мучительное мгновение Кассаис смягчился, взял Йегару рукой в бронированной перчатке и снова поставил на ноги.

– Ну что ж, давай тогда поедем разыщем Вайла, – сказал он, как будто ничего и не произошло. Ольтанир Йегара дрожал в хватке архонта.

Он просипел водителю приказ, чтобы тот отвез их в крепость. Три «Яда» поднялись и плавно заскользили прочь. Вскоре десять воинов Кассаиса, которые остались позади, превратились в ряд крошечных, похожих на муравьев фигурок, ползущих по скале. Кассаис задумался, могут ли туземцы воспользоваться шансом, чтобы атаковать уменьшившийся отряд, и пожалел, что уже не сможет посмотреть, сделают ли они это.

На одном конце острова поднимался похожий на таран мыс, гора из земли и камня, возвышающаяся над лесами внутренней части суши. На ее вершине громоздилось нечто, казавшееся беспорядочной кучей камней, которой грубо придали форму множества поросших мхом башен, турелей и бастионов. Толстые наклонные стены окружали строение с трех сторон, но та сторона, что была ближе всего к морю, представляла собой что-то вроде пчелиных сот из открытых комнат, незаконченных лестниц и коридоров, которые открывались в пустоту. Внизу, у подножия утеса, волны триумфально накатывали на обрушившийся камень и неустанно трудились, еще сильнее подтачивая основание оставшегося строения.

Это была Гробница Ветров, древнее родовое поместье клана Йегара. Семья возвела эту крепость в самые первые дни колонизации, а точнее говоря, заставила порабощенных туземцев построить ее для себя. Эти существа тогда были более многочисленны, и поговаривали, что великая матрона Б'Кви Йегара скрепляла камни их плотью и кровью. На других островах тоже были крепости, но Гробница Ветров была первой и величайшей из них, и Йегара веками подкупали, вели политику и убивали, чтобы такой она и осталась.

До относительно недавнего времени Гробница Ветров, окутанная тяжелой сонной атмосферой пресыщенной вседозволенности и бесконечных интриг, составляла весь мир Ольтанира Йегары. Теперь дом его семьи был сплошь увешан мрачными пурпурными и багровыми знаменами Лорда-Сорокопута. Тысячи сверкающих точек виднелись там, где меж древних камней были грубо вколочены колья для казней, как доказательство тому, что Лорд-Сорокопут неспроста получил такое прозвище. Большинство несчастных, насаженных на колья, принадлежали к клану Йегара – это были двоюродные братья и сестры Ольтанира, племянницы и племянники, матроны и патриархи. В последнее время к ним присоединялось все больше гладкокожих аборигенов по мере того, как одному их поселению за другим давали понять, что жизнь для них изменилась полностью и навсегда.

Три небесные колесницы «Яд» стремительно снижались к широкому, заросшему травой пространству перед крепостью. Лес, подбиравшийся к стенам, был выжжен, чтобы освободить место для увеселений на свежем воздухе и посадки кораблей. В настоящий момент тут кипела бурная деятельность: туда-сюда метались ливрейные лакеи, облаченные в доспехи стражники ходили патрулями, укротители бранили своих зверей. Впервые за все путешествие архонт Кассаис немного оживился и проявил к чему-то внимание.

– Что это за существа? – с неожиданным интересом спросил комморрит.

Йегара с некоторым смятением оглядел сцену перед собой. Насколько он мог сказать, здесь не было ничего необычного. Разве что…

– Вы имеете в виду ездовых зверей? – осторожно придерживаясь нейтрального тона, переспросил Йегара. Несмотря на его усилия, Кассаис бросил на него испепеляющий взгляд.

– Конечно, ездовых зверей, тупая ты жаба! – выплюнул он с отвращением.

– Мы зовем их аркотеврами. Это местная форма жизни, обычно встречающаяся лишь в глубоких водах,

— поспешно начал объяснять Йегара. – Если их отловить в достаточно юном возрасте, то можно вырастить из них воздушную форму, которую вы здесь видите.

По форме аркотевры напоминали ленты, под которыми болталось множество искривленных лап. От одного конца до другого их покрывали защитные хитиновые пластины, от самых малых, не более ногтя, и до огромных, в два размаха рук, что опоясывали середину туловища. Эти создания плыли над самой травой, ритмично изгибаясь, словно волны катились по их телам от изогнутых ротовых частей.

Когда эльдары слезли с «Ядов», Кассаис увидел, что на большинстве этих существ, прямо над пастями, закреплены седла с высокими спинками. На некоторых уже восседали наездники в высоких шлемах с плюмажами, вооруженные длинными копьями с крюками.

Йегара повел его к самому тесному скоплению животных и лакеев. Когда они подошли ближе, в ноздри ударило зловоние ездовых зверей. Там, возле особенно заметного аркотевра, окрашенного в черно-золотые полосы, стоял Вайл.

Лорд-Сорокопут обратил мрачный взгляд на подлетающих Кассаиса и Йегару. Его темные, зачесанные назад волосы и хищные черты лица действительно вызывали в памяти образ его тотема, птицы-мясника. Архонт Вайл'ак Ак Вайл Меншас, также известный как Лорд-Сорокопут, недавно унаследовавший Траурную Марку, что принадлежала Йегаре по праву рождения, фаворит Верховного Властелина, Асдрубаэля Векта.

– Я удивлен, что ты потрудился прийти, и даже более удивлен тем, что ты сюда добрался, – пренебрежительно проговорил Вайл. – Ты, верно, чего-то очень сильно хочешь, раз уж совершил такое путешествие.

– Вздор! – ухмыльнувшись, воскликнул Кассаис. – Хорошо же ты приветствуешь своего кровного родича, что так далеко ушел от цивилизации, чтобы поздравить тебя с последним приобретением!

Вайла, судя по виду, не тронули протесты Кассаиса, и он повернулся к Йегаре.

– Что случилось у береговой линии? Какие-то проблемы?

– Нет, все было тихо, мой архонт, – глупо заулыбался Йегара.

– Что за чушь, я был готов вот-вот приказать их вырезать, – фыркнул Кассаис. – Туземцы неспокойны, Вайл. Я не знаю, что ты такого сделал, чтобы вызвать их гнев, но это явно сработало.

Вайл пропустил колкость мимо ушей, снова повернулся к своему ездовому зверю и отогнал слуг, чтобы самому поправить седло. Минуту провозившись в молчании, Вайл снова заговорил.

– Это никак напрямую не связано со мной, то-то и досадно, – произнес Лорд-Сорокопут с незнакомой ноткой в голосе. – Мне хватило работы, когда я учил этих неблагодарных перепончатолапых дикарей, кто тут теперь хозяин, после того, как Йегара по глупости потакали им сотни лет. Но это что-то иное. Давай, выбирай себе скакуна, и я все расскажу тебе по дороге.

– О, какие экзотические удовольствия, Вайл, ты меня разбалуешь! – ухмыльнулся Кассаис. Оглядевшись, он не увидел ни одного иного черно-золотого зверя, что несколько подпортило его первоначальный план. Вместо этого он обошелся боевитой, судя по виду, красно-черной особью. Архонт проигнорировал небольшую лесенку, которую поднесли слуги, и запрыгнул в седло, как стоял. Этим он заработал несколько ахов и чуток вежливых аплодисментов от свиты Вайла плюс одобрительные крики своих

собственных воинов на палубах «Ядов».

Лорд-Сорокопут презрительно взглянул сверху вниз на Йегару, стоящего среди слуг и дрессировщиков.

– Иди внутрь и убедись, чтоб к нашему возвращению все было готово, – сказал Вайл и перевел взгляд на темный край леса, – и пусть воинов Кассаиса разместят так, чтоб всем было удобно, когда прибудут оставшиеся. Поехали, Кассаис – эти твари падают наземь, как соляриты, как только восходят луны.

Лорд-Сорокопут ринулся прочь на аркотевре, затрепетавшем над травой, как знамя на крепком ветру. Как и подозревал Кассаис, крючковатые копья использовались, чтобы понукать зверей, а для того, чтобы направлять их, достаточно было перемещать вес тела. Животные одинаковы по всей вселенной, весело подумал Кассаис, ткни их шпорами, и они помчатся. Он тронул собственного скакуна и быстро догнал Вайла, едущего во главе яркой волнующейся фаланги стражников, разведчиков и фаворитов, с большим или меньшим успехом старавшихся совладать со своими зверями.

– Смотри держи ноги подальше от его рта, – крикнул Вайл, подлетев ближе. – У них некротизирующий яд, от которого даже у тебя глаза заслезятся.

Кассаис фыркнул, но все равно убедился, что его ноги, как положено, закреплены в стременах.

– Ну, что же это за проблема, о которой ты говорил, если это не туземцы – и, кстати говоря, на что мы охотимся?

– На ресзикса, это большое, похожее на кошку животное. Разведчики заметили одного утром и подогнали его поближе к крепости, – отвлеченно ответил Вайл, все еще глядя на надвигающуюся кромку леса. Кассаис с удивлением отметил, как быстро она приближается, быстрее, чем он предполагал – обманчиво плавные извивающиеся движения аркотевров оказались стремительными.

– А в чем другая проблема? – подтолкнул Кассаис.

– Что-то не так с вратами, – нехотя сказал Вайл. – Это началось несколько дней назад, и с тех пор в это сателлитное царство можно проникнуть, но нельзя его покинуть.

– Что?! – возопил Кассаис так громко, что с близлежащих деревьев поднялись вспугнутые стаи птиц.

Глава третья - Гробница Ветров

Ольтанир Йегара пробирался по переполненному газону обратно к Гробнице Ветров. Он бросил лишь один взгляд назад, когда охота поднялась в воздух. У него было мало времени. Он искренне надеялся, что Кассаис и Вайл погибнут в лесу. Там была масса опасностей, и не последнюю из них представляли собой их собственные опасные и темпераментные ездовые звери. К несчастью, вероятность того, что Лорд-Сорокопут умрет в результате какого-то несчастного случая, была невелика. Комморриты были слишком живучими и осторожными, чтобы пасть жертвой подобных вещей. Они еще вернутся.

У всех комморритов, казалось, были глаза на затылке и неприятная способность в любой момент времени проникать в то, что происходило у него в голове. Ольтаниру Йегаре пришлось потратить немало времени, чтобы понять, в чем дело. Поначалу это казалось некой формой телепатии или эмпатии, отголоском психических сил, которые им каким-то образом удалось сокрыть от Той, что Жаждет. Через какое-то время он осознал, что комморриты полностью умертвили эту часть себя, даже более тщательно,

чем клан Йегара. Иначе им ни за что не удалось бы пережить Падение – или, точнее, только тем из них, кто смог отвергнуть собственную врожденную психическую натуру, суждено было оказаться среди выживших.

Когда он приблизился к крепости, двое вассалов, стоявших на посту перед внешними дверями, распахнули створки перед ним. Оба они были верными слугами клана, но теперь их кожу терзали ливреи Лорда-Сорокопута. Йегара кивнул вассалам, проходя мимо, и отметил, как тщательно они проигнорировали жест. Слишком много миньонов Лорда-Сорокопута могло их увидеть, а кроме них, были еще и предатели среди тех, кто считался верными Йегаре. Он подобрал свои складчатые юбки и торопливо вошел внутрь.

Прочные, толстые деревянные двери с грохотом захлопнулись за спиной, и он на миг почувствовал иллюзию безопасности. Перед ним простирался вестибюль, уводящий в глубины крепости. Вдоль всех стен тянулись нависающие над полом стрелковые галереи, по которым расхаживали стражники Лорда-Сорокопута. Галереи были украшены рядами антикварных доспехов, которые виднелись между узорчатыми колоннами, так что казалось, будто высокие шлемы стражников движутся посреди безмолвной застывшей толпы. Ниже, на стенах зала, висели многочисленные абстрактные гобелены и древние картины в рамах. Несколько полос дневного света косо падали вниз из узких высоких окон, высвечивая пылинки, танцующие в теплом застоявшемся воздухе.

Все это было просто фикцией, усыпляющей бдительность посетителей, пасторальным камуфляжем, которым клан Йегара начал пользоваться еще тысячи лет назад, когда прибыл в Траурную Марку и построил Гробницу Ветров. Истертые квадратные каменные плиты под ногами Йегары как будто были неровно уложены, но выглядели так только потому, что одна из четырех таких плит являлась люком, который отправлял жертв прямиком в подвал, где находился котлован, полный едкой слизи. За гобеленами располагались потайные двери, через которые можно было быстро сбежать или незаметно впустить помощников-убийц. В зале имелись и более продвинутые ловушки. Узорчатые колонны содержали излучатели силовых полей, которые могли оградить вестибюль куда надежнее, чем впечатляющие с виду резные деревянные двери. Подобная хитрость и мастерство позволили Йегарам править Траурной Маркой на протяжении веков, невзирая на то, что многие бросали им вызов.

Для комморритов, для Вайла Меншаса, Лорда-Сорокопута, все эти оборонительные устройства были просто детскими игрушками, шутками, которые могли только смешить, но не представлять опасность. Для них клан Йегара был кучкой простаков – слабых, вырождающихся и изнеженных. Ольтаниру казалось, что за много столетий воспоминания его клана о великом портовом городе Комморре стали разрозненными и во многом приукрашенными по сравнению с реальностью. Конечно, он не был готов к тому, что на самом деле представляли собой его жители, а когда он это понял, было уже слишком поздно, чтобы предотвратить их вторжение.

Комморриты были суровы и бескомпромиссны, и Йегары давно забыли, когда были такими. Пока их клан правил своей маленькой вотчиной, великий город Комморра переживал бесконечную череду чисток, революций, вторжений, погромов и смен режима. Ольтанир теперь понимал, почему ему казалось, что они способны читать мысли. На самом деле комморритам, особенно архонтам вроде Вайла и его родственника Кассаиса, пришлось научиться читать выражения лиц и язык тела и добиться в этом поистине удивительной точности, так как от этого зависело их выживание. В Комморре перфекционизм, которым была одержима эльдарская раса, был нацелен на то, чтобы засекать малейшие колебания, способные указать на ложь, или трепет в глазах, что мог означать мысль о предательстве.

Йегара спешно побежал через вестибюль, чисто по привычке избегая плит с ловушками. Все ямы, так

или иначе, были закрыты и заперты по настоянию Вайла, но в прошлом немало членов клана обнаружило, что замки могут проржаветь – или просто остаться открытыми, невзирая на приказ. Йегара тяжело дышал и слегка вспотел к тому времени, как достиг восьмиугольного помещения в дальнем конце холла, которое было известно как Слияние. Слияние находилось в центре между вестибюлем и семью другими флигелями крепости.

По традиции каждый флигель именовался по цвету, который преобладал в его убранстве: Сапфировый, Аметистовый, Изумрудный, Янтарный, Хрустальный, Фиолетовый и Ониксовый. На протяжении столетий клан Йегара, руководствуясь своими прихотями, украшал флигели в подобающей расцветке. Со временем это привело к тому, что, к примеру, все предметы в Сапфировом флигеле имели исключительно синий цвет. Мебель, светильники, драпировки, орнаменты, фрески, инструменты, зеркала, щетки для волос – все было окрашено в тысячу различных красок и оттенков синего. Таким же образом, Янтарный флигель стал пристанищем тысяч разных оранжевых тонов, и так далее.

Они стали значить для клана больше, чем просто декор. Возникла традиция, согласно которой те, кого обуревали смены настроения, бродили из одного флигеля в другой, пока не находили тот, который, по их ощущениям, лучше всего гармонировал с их душевными склонностями. Охваченные тягой к самоанализу устремлялись к Сапфировому флигелю, желающие творить – к Аметистовому, подъем жизненных сил соответствовал Изумрудному, неистовство – Янтарному, превосходство – Хрустальному, стяжательство – Фиолетовому. Тех, кого преследовало отчаянье, тянуло к Ониксовому флигелю, даже после того, как самосожжение Ку'изала Йегары зачернило его еще сильнее и обрушило часть крепости в море.

В упорядоченном существовании Ольтанира Йегары эти флигеля были успокаивающим символом контроля и означали, что клан способен выстраивать все, как ему хочется. За пределами крепости, в ревущем хаосе островов, цвета каждый день мешались как попало, но внутри все было иначе. Внутри крепости клан поддерживал идеальный порядок, столь ровный и неизменный, что века текли мимо практически незаметно. Ольтанир на миг остановился и вздохнул. В некоторой мере он все же тосковал по своим сородичам. Быть последним выжившим членом клана оказалось труднее, чем он думал.

И все же Гробница Ветров хранила много секретов, которые еще не открылись ни Лорду-Сорокопуту, ни его миньонам. Последний Йегара украдкой огляделся и решил, что у него остается более чем достаточно времени, прежде чем придется заняться другими делами. Он направил свои стопы к черному флигелю и вскоре исчез в его закопченной темноте.

В один миг они неслись над травой, а в следующий уже пересекли тенистую границу леса и нырнули в его зеленый океан. Мимо мелькали толстые стволы деревьев, извивающиеся тела аркотевров расшвыривали в стороны цепкие ветви. Кассаис угрюмо держался за седло своего скакуна и старался не отставать от Лорд-Сорокопута, который не слишком тонко демонстрировал, насколько превосходит его в умении управлять этими лентообразными животными.

По воле случая или замысла, все придворные и стражники отстали от двоих архонтов. Через какое-то время Вайл замедлил своего аркотевра, и тот, свернувшись кольцами, остановился на полянке, где недавно рухнуло дерево-великан. Слабый солнечный свет сочился сквозь кроны над их головами; алчные соседи уже заполняли освободившееся пространство, протягивая туда ветви. По всей колоссальной длине упавшего ствола прорастали лозы и грибы.

Теперь, когда они остановились, Кассаис смог расслышать треск, с которым всюду вокруг них сквозь лес

летели другие наездники, но буйная листва, окружающая поляну, не позволяла разглядеть ни одного из них. Он многозначительно прочистил горло.

– Ну что ж, дорогой кузен, собираешься ли ты разъяснить мне ситуацию? Хотелось бы знать, насколько огромную ошибку я совершил, прибыв сюда, – подтолкнул Кассаис.

Лорд-Сорокопут подозрительно разглядывал деревья, но, кажется, не мог точно определить источник своего дискомфорта. В конце концов он повернулся к Кассаису и заговорил.

– Когда Асдрубаэль Вект послал меня сюда, он дал мне две задачи, которые я должен выполнить, прежде чем смогу назвать это место по-настоящему своим, – сказал он. – Первая – это установить контроль над популяцией туземцев. Йегары позволяли им размножаться без всяких ограничений, и само их количество стало… проблемой.

Кассаис моментально просветлел при мысли о старом добром прореживании рабских рядов. Вайл прочел выражение его лица и покачал головой.

– Это не так-то просто. Они прячутся в воде и плодятся, как орки. Я сделал все, что можно было сделать прямыми методами. Чтобы завершить дело, мне нужно было больше воинов, и именно поэтому я послал за тобой.

Кассаис сделал огорченный вид и ответил:

– Боюсь, я привез с собой ровно столько воинов, чтобы обеспечить безопасность на время визита, их не хватит для войны.

Вайл просто пожал плечами.

– Это время все равно уже миновало. Я сам предпринял дополнительные меры.

Лорд-Сорокопут на миг замолк и рассеянно пошевелил копьем-стимулом, чтобы его беспокойный аркотевр оставался на месте.

– А какую вторую задачу установил для тебя наш возлюбленный Верховный Властелин? – наконец спросил Кассаис.

– Он приказал мне утроить экспорт протеина, вывозимого из Траурной Марки в Комморру, – без обиняков ответил Вайл. Кассаис надул щеки от удивления. Алчная жестокость Векта, похоже, не знала границ.

– Я с нетерпением ожидаю услышать твой план, как совершить этот чудесный двойной подвиг – уменьшить рабочую силу и одновременно повысить производительность.

Вайл наградил Кассаиса натянутой улыбкой.

– Я отравил океаны, – заговорщицким тоном сообщил Лорд-Сорокопут. – Не пялься на меня, как на идиота! Пойми, этим я уничтожил источник пищи аборигенов, так что скоро они вымрут от голода. В то же время я собрал в крепости достаточно провизии, чтобы выжить до тех пор, пока моря не восстановят свое плодородие. А когда они это сделают, нам не придется отдавать много добычи, чтоб прокормить местных жителей, потому что они все будут мертвы. Когда врата снова откроются, я привезу новых рабов и удостоверюсь, что поставки достигнут требуемых объемов.

Брови второго архонта по-прежнему были приподняты, говоря, что эти слова его не убедили.

– Все мы в Хай'кране были очень взволнованы тем, что ты вознесся до положения сюзерена этой субреальности. Теперь же начинает казаться, что она стала чашей с ядом. Ты не думал, что туземцы могут постучать в твои двери в поисках ужина?

– Пусть попробуют, – высокомерно выплюнул Вайл.

– Хм, может быть, перейдем к тому, что случилось с вратами, дорогой кузен? Почему я застрял в этом отсталом субцарстве и как долго это может продолжаться?

– Мои мастера не в силах объяснить это, – раздраженно ответил Вайл. Этот феномен явно досаждал ему куда больше, чем аборигены и заготовки. – Они говорят, что с этой стороны порталы неактивны. Они не могут объяснить, почему порталы могут на краткий срок активироваться, чтобы впустить что-то внутрь, но при этом ничто не может выйти отсюда. Меня уверяют, что подобные временные помехи случались и в прошлом, и что рано или поздно Комморра решит эту проблему.

– Это мне кажется не очень удовлетворительным ответом, – заметил Кассаис.

– Согласен. Некоторые из мастеров теперь украшают крепость снаружи, чтобы воодушевить остальных на большие усилия. Мало что поменялось.

– Так как же ты намереваешься проводить время, пока врата не открылись, а туземцы не вымерли с голоду?

– Я собираюсь устроить банкет, – с подлинным удовольствием улыбнулся Вайл.

Кассаис тоже улыбнулся, оценив шутку, и открыл рот, чтобы ответить. Только в этот миг он разглядел уголком глаза какое-то белое мелькание. Это было что-то крупное, похожее на кошку, и оно быстро становилось все больше.

Глава четвертая - Охота

Высоко в пологе леса скрывались четыре стройные фигуры. Они стояли, сидели или откинулись на тонкие ветви, как велела им прихоть, на головокружительной высоте над землей. Безмолвные, как статуи, они наблюдали за тем, как охотники на извивающихся аркотеврах мчались над травой и огибали деревья. Ашантурус, Цилия, Храдхири Ра и Пестрый с особенным интересом отмечали продвижение Вайла и Кассаиса.

Члены труппы легко бежали по пружинистым веткам, чтобы не терять архонтов из виду, пока наконец не остановились у поляны. При помощи своей магии Цилия усилила их барабанные перепонки, чтобы можно было подслушать, как архонты беседуют о проблемах субцарства и о том, как Лорд-Сорокопут планирует их разрешить.

– Надо просто разобраться с ними здесь и сейчас, – прошептал Храдхири Ра, нетерпеливо барабаня костлявыми пальцами по желобчатому стволу своей пушки.

– Вздор, – тут же парировал Пестрый. – Мы не знаем, совершил ли кто-то из них что-либо дурное.

– «Дурное» – это довольно субъективный термин, – заметил Ашантурус. – Если верить тому, что мы

только что услышали, эти двое многократно заслужили смерть. Почему бы не даровать ее им?

Пестрый пожал плечами, поджал ноги и положил подбородок на колени.

– Я всего лишь шут, – сказал он. – Ты – великий король, и великая мудрость – твоя прерогатива.

Ашантурус склонил ухмыляющуюся маску к невысокой серой фигуре, сидящей на ветке, как на насесте.

– Именно так, и великая мудрость учит нас, что беспричинное вмешательство только приносит больше вреда, – сказал Высший Аватар. – Вмешательство и… подозрение.

Пестрый одобрительно улыбнулся, услышав тревожные слова короля.

– Действительно, так, и подозрение, в конечном итоге, никому не приносит пользы – только факты способны давать плоды. И все же, благородный Храдхири Ра привел разумный вариант, хотя и в уклончивой форме. Почему бы просто не взять их в плен и допросить без лишней спешки? Таким образом мы сможем быстро все распутать.

Ашантурус не удостоил его ответом, так что вызов приняла Цилия.

– Потому что тогда мы останемся с одним виновным и одним невинным, но не сможем просто позволить невинному уйти.

– «Невинный» в данном случае тоже относительное понятие, – сухо добавил Храдхири Ра.

– Истина в том, что, может быть, ни один из этих очаровательных субъектов не является тем, что нам нужен, – кивнул Пестрый. – Да, конечно, след с искусственного мира ведет сюда, и, глядите-ка, тут и правда наличествуют комморриты… но это косвенное доказательство в худшем своем виде. Само по себе это нападение могло происходить отсюда и при том не быть связано с этими двоими, хотя, если честно, я в этом несколько сомневаюсь. Я бы хотел, чтоб вы позволили мне пойти с Ло'тосом, мы бы отлично поработали вместе и могли бы уже найти ответ.

Ашантурус посмотрел на Пестрого сверху вниз, вдоль длинного носа своей маски, прежде чем ответить:

– У Мастера-мима собственные задачи. Если для тебя есть роль в этом представлении, то она предоставится тебе лишь в подобающей сцене и ни мгновением раньше.

– Вот, посмотрите! – прошептал Храдхири Ра. – Пока мы медлили, вмешалась Природа.

– Или Судьба, – серьезно добавила Цилия.

С высоты арлекины увидели то, что выглядело как большая бледная тень, скользящая среди деревьев. Крупное животное, напоминающее большую кошку, кралось к поляне с удивительной текучей грацией. Архонты, судя по всему, не осознавали, что оно приближается, вплоть до того, как зверь прыгнул, и его мускулистая туша пронеслась над поляной с выпущенными когтями и оскаленными клыками, словно молния в белом меху. Арлекины замолкли, наблюдая за начавшейся схваткой до самого завершения, и ни один из них не дернул и мускулом.

Ольтанир Йегара остановился на пересечении коридоров в глубинах Ониксового флигеля и нервно оглянулся. Он тщательно прислушивался, но звук, который он только что услышал – или думал, что услышал – больше не повторялся. Ониксовый флигель был пуст. Сюда не приходили ни рабы, ни слуги –

у них была хорошая причина избегать этого места – и ни один стражник не брал на себя заботу патрулировать почерневшие от гари коридоры. Как Ольтанир ни напрягал уши, он слышал только отдаленное шипение и грохот волн, накатывающих на скалы далеко внизу.

Вскоре он двинулся дальше, безошибочно ориентируясь в поворотах и изгибах Ониксового флигеля даже там, где царила кромешная тьма. В конце концов он добрался до старых покоев Ку'изала и протолкнулся между искореженными эбеновыми дверями. На черных стенах и полу внутри виднелись трещины от высокой температуры, которая выжгла всю комнату в разгар пожара. Сквозь рваные пробоины во внешней стене, там, где она выгнулась наружу и обрушилась, проникал свет и шелестящий шум моря.

Не обращая внимания на сумрачные облака и беспокойное море, проглядывающие сквозь прорехи в каменной кладке, Ольтанир припал к полу в центре помещения. Он пошарил в поисках потайного выступа и нажал его, отчего панель у его ног скользнула в сторону. В выемке под ней виднелись четыре округлых силуэта, тускло поблескивающие в сочащемся снаружи свете. Ольтанир довольно заурчал, выуживая эти вещи одну за другой. Это были круглые сосуды, увенчанные звериными головами с глазами из драгоценных камней. Он расставил их перед собой, словно миниатюрных придворных, запел низким, меняющимся голосом, а потом протянул руку и по очереди погладил фигуры: жабу, льва, змею и рыбу.

Эти артефакты когда-то давно были главным источником власти Йегар над Траурной Маркой. Древние пакты и ритуалы надежно оберегали будущее клана, и цена была невелика: немного пролитой крови и несколько быстро произнесенных заклинаний. Некоторые члены семьи считали их медленно действующим ядом, который пагубно влиял на весь род. После смерти Ку'изала эти вещи были спрятаны из суеверного страха.

Миг поколебавшись, Ольтанир поднял одной рукой львиноголовый сосуд и приложил его челюстями к другому запястью. Он зашипел, когда острые как иглы клыки приняли в жертву его кровь, быстро опустил сосуд на пол и свирепо зашептал, обращаясь к львиной голове:

– Убей их. Пошли своих детей и убей их. Я принесу тысячу жертв в твое удовольствие, если случится так, как я желаю. Клянусь в этом на тени Ку'изала.

Ольтанир ничего не услышал, кроме грохота волн, ничего не увидел, кроме туч, проносящихся мимо, но знал, что где-то, в каком-то далеком месте, его проклятие было услышано.

Он поспешно поставил сосуды обратно в тайник, закрыл панель и тщательно затер все следы того, что ее открывали. Теперь последний Йегара, чувствуя себя несколько спокойнее, покинул покои Ку'изала и начал возвращаться по своим следам. Протиснувшись между изогнутыми створками оплавившихся от жара дверей, он замер как вкопанный. В клинышке света, проникающего в дверную щель, на полу блеснуло что-то, чего там не было, когда Ольтанир вошел всего несколько минут назад.

Он наклонился, протянул руку к вещице, но отдернул ее так быстро, словно перед ним был ядовитый паук. Это был маленький четырехугольник из кристаллического материала размером не более его ладони. На его поверхности Ольтанир увидел два стилизованных лица, наложенных друг на друга под изящным углом. Одно смеялось, другое плакало, и у обоих были пустые лица и рты масок. Ольтанир выпрямился, резко набрав воздуха в грудь, и со страхом огляделся. Ничто не встретилось его взгляду, кроме теней и паутины.

Потом он опять услышал этот звук. Тот самый шум, который он уже слышал, когда пробирался по Ониксовому флигелю к покоям Ку'изала, шум, который он списал на шутки собственного воображения.

Теперь звук казался ближе, как будто его издавало что-то во мраке почти рядом с ним. Это был глухой шелестящий смех, который отдавался эхом в ушах и вызывал мурашки. Ольтанир подобрал юбки и побежал к Слиянию.

Двери вестибюля с грохотом распахнулись, и внутрь хлынул поток разнообразно одетых слуг, стражников, придворных и работников. Во главе толпы шли Вайл и Кассаис, сердито отмахиваясь от миньонов, чрезмерно заботливо предлагающих помощь и выражающих сочувствие. На одном плече Кассаиса доспехи были разорваны, и кровь, которой они были забрызганы, частично принадлежала ему.

Взгляд скрытых под капюшоном глаз Лорда-Сорокопута подозрительно метался по сторонам, как будто он в любой миг ожидал нападения. Он остановил взгляд на Йегаре, который стоял, дрожа, у Слияния, в дальнем конце вестибюля, и целеустремленно зашагал к нему.

– Мой архонт! – воскликнул Йегара с правдоподобной тревогой и смятением. – Что случилось? Вы ранены?

– Нет, – прорычал Лорд-Сорокопут, уловив разочарование, мелькнувшее на лице Йегары. – Кассаис оказался настолько глуп, что позволил ресзиксу выдрать из себя кусок.

– Если честно, то, мне кажется, он нас обоих застал врасплох, – недовольно возразил Кассаис. – Я не помню никаких криков вроде «Осторожно, Кассаис, на тебя вот-вот приземлится кошка в шестнадцать раз больше тебя!» Но во что я не могу поверить, так это в то, что проклятая тварь умудрилась после этого скрыться.

– Для своего размера они передвигаются быстро, – нахмурился Вайл. – И к тому же бесшумно.

Йегара выглядел бледнее, чем обычно – фактически, его можно было принять за альбиноса – к тому же дрожал и никак не мог остановиться. Вайл сначала списал все на переигрывание, но, видимо, эта жаба действительно была чем-то искренне напугана. Плеяда ярко разодетых прислужников и сопровождающих неуверенно маячила на уважительном расстоянии вокруг аристократов, и на каждом лице был крупными буквами начертан страх.

– Банкет подготовлен, как я приказывал? – ледяным тоном осведомился Вайл. При этих словах взволнованное лицо Йегары немного прояснилось. Он явно опасался не за банкет. Может быть, Йегара просто боялся, что последствия провальной охотничьей экспедиции падут на его голову.

– В Янтарном флигеле для вас уже все подготовлено, мой архонт, – убедительно затараторил Ольтанир. – Я подумал, что это самое подходящее место для начала.

Кассаис сдвинул брови.

– Янтарный флигель? – пробормотал он.

– У этой навозной кучи есть семь флигелей, – пояснил Вайл. – Каждую ночь мы будем пировать в одном из них, меняя залы один за другим. Можно быть уверенным, что, когда неделя подойдет к концу, аборигены будут слишком ослаблены, чтобы попытаться устроить против нас какие-либо злодейства.

Йегара снова занервничал.

– Только не в Ониксовом флигеле, мой архонт. Советую не делать этого, Ониксовый флигель- – самое… неподходящее место для чего бы то ни было, не говоря уже о пире.

Вайл резко повернулся к Йегаре и ударил его по лицу с такой силой, что тот растянулся на полу.

– Даже не смей говорить мне, что делать, – прорычал Лорд-Сорокопут. – Я готов плясать, играть и блевать во всех драгоценных залах твоих предков, чтобы сделать их своим владением, даже в этом заколдованном черном флигеле со всеми его жалкими призраками и бесполезными проклятьями. А теперь вставай.

Йегара неловко поднялся на ноги. На его лице горел след от удара латной перчаткой. Кассаис стоял в стороне, посмеиваясь, пока Лорд-Сорокопут унижал последнего Йегару на глазах его бывших слуг и рабов. Вайл стоял совершенно неподвижно, пристально глядя на Йегару и ожидая ответа.

– Я глубоко раскаиваюсь, мой архонт, – быстро пробормотал Йегара порванными губами. – Я забыл свое место. Вы – единственный господин в этом доме.

– Именно так, и ты – мой раб, – сказал Вайл. – Ты слишком много о себе возомнил, раз счиаешь, что можешь давать мне советы.

Йегара печально закивал, соглашаясь, чем вызвал жестокую улыбку на лице Вайла.

– Быть может, мне следует отправить тебя наружу, дожидаться смерти вместе с туземцами – я уверен, они с радостью примут последнего из рода своих давних благодетелей.

Йегара невольно содрогнулся. Тем грубым пыткам, которым подвергли бы его аборигены, если бы получили возможность, было не сравниться с тем, что могли сделать комморриты, но все же мысль о них наполнила его разум ужасом.

– Может быть, нам уже стоит приступить к банкету, Вайл? – несколько заискивающе спросил Кассаис. – От ускоренного исцеления мне всегда хочется чуток перекусить.

Вайл бросил резкий взгляд на другого архонта, а затем кивнул. По лицу Йегары он видел, что тот все еще что-то прячет – один из многих секретов, которые, как думал Ольтанир, неведомы его новому хозяину. Он утешил себя мыслью о том, что у него еще предостаточно времени, чтобы как следует заняться этим слабаком и вырвать все ответы, скрывающиеся в его мелком гнилом черепе. Было бы неплохо, если в предстоящую неделю им будет чем дополнительно поразвлечься.

Глава пятая - Первый банкет

Для пиршества в Янтарном зале установили великолепный стол из роскошного полированного дерева, длиною в сто шагов. Он стонал под тяжестью блюд с яствами. Здесь были тысячи серебристых рыб, мириады всевозможных размеров и разновидностей, от мелочи длиной в палец до океанских левиафанов. Они были припущены, изжарены, сварены, запечены и оставлены сырыми. На филигранных подносах вздымались дрожащие груды икры, ракообразных, беспозвоночных и моллюсков, как в природной известковой броне, так и без нее. Ливрейные лакеи в одеяниях цвета охры и бронзы стояли вдоль стен, в то время как придворные и наложницы Вайла осторожно общались с воинами Кассаиса и бывшими управителями клана Йегара.

Лорд-Сорокопут сидел, откинувшись, на троне во главе стола, по правую руку от него разместился Кассаис, а неподалеку топтался взволнованный Ольтанир Йегара. Вайл без интереса ковырял еду, поставленную перед ним, наблюдая за вычурно разодетой толпой. К его отвращению, многие гости

предпочли облачиться в оттенки, соответствующие монохромной теме зала. Среди них явно преобладали янтарные, красно-коричневые, умбровые и бежевые тона, а более дерзкие личности отошли в сторону угольно-черного или золотого цвета. В результате зал выглядел полным размытых пастельных фантомов, колышущихся в неясном свете. Бросая вызов подобной манерности, Вайл предпочел облачиться в жесткий жилет кроваво-красного цвета поверх полночно-черного, облегающего тело костюма. Снаружи, словно отражая его мрачное настроение, собирался шторм, и время от времени в высоких узких окнах мелькали копья белого света, превращая зал в резкую рельефную картину под аккомпанемент раскатов грома.

Хотя Вайл ни за что бы в этом не признался, он чувствовал во рту пепельный привкус страха. Он многое поставил на кон, чтобы добиться милости Верховного Властелина и стать его сенешалем в Траурной Марке. Лорд-Сорокопут не уклонялся ни от каких деяний, какими бы гнусными они не были, но, чтобы достигнуть своего нынешнего положения, ему пришлось пойти на меры, которые были экстраординарны даже по его меркам. Упрямство туземцев, алчные требования Асдрубаэля Векта, слабость Йегар, все как будто сговорилось, чтобы направить ситуацию по самому опасному пути развития.

Кассаис внимательно наблюдал за Вайлом и время от времени ерзал от дискомфорта, вызванного неестественно быстрым заживлением ран, нанесенных ему ресзиксом. Он тщательно старался сохранить на лице выражение удовольствия и надменности, но за этой маской скрывалась стремительная работа ума. При всей своей браваде Лорд-Сорокопут, судя по всему, по уши увяз в проблемах Траурной Марки. Если бы ворота работали, подумал Кассаис, он бы давно уже убрался отсюда. Как бы то ни было, сейчас Кассаис сидел и размышлял, как бы ему лучше извлечь выгоду из этого положения.

Ольтанир Йегара всецело сконцентрировался лишь на том, чтобы сохранять спокойствие. Кристаллическая пластина, которую он нашел в черном флигеле у покоев Ку'изала, снова и снова возвращалась на передний план его раздумий. Часть его хотела рассказать Лорду-Сорокопуту о находке и покаяться, что он не сообщил раньше, пока Вайл сам это не выяснил. Другая часть предостерегала его от подобной глупости. Лорд-Сорокопут убьет его, если узнает об этом. Третий, коварный голос говорил, чтобы он ничего не делал и надеялся, что молния поразит его мучителя, не навредив ему самому. В конце концов, если Ольтанир призвал это проклятие, он сам наверняка должен быть защищен от него?

Особенно яркая вспышка озарила зал, через несколько секунд совсем невдалеке загрохотал гром. Йегара резко вдохнул и заморгал, прогоняя из глаз пятна, оставшиеся от света. На один-единственный миг этой вспышки комната разделилась на белый свет и четко очерченные тени, так что гости и мебель стали похожи на плоские фигуры, вырезанные из бумаги. В тот миг Ольтанир увидел силуэт, которого здесь раньше не было, нечто длинное и тонкое, неестественно скорчившееся подле трона Вайла. Он с трудом удержался, чтобы не вскрикнуть от ужаса, но, когда его зрение прояснилось, там уже ничего не было. Вайл сердито уставился на него в ответ.

– На что ты пялишься, глупец? – ощерился Лорд-Сорокопут. – Ты выглядишь так, будто увидел какого-то из своих вялых инцестных родственников, восставшего из мертвых.

– Ни на что, простите меня, я… о боги! – вдруг вскрикнул Йегара. На последних словах он сорвался на истерический визг. Вайл и Кассаис тут же вскочили с мест, готовые сражаться, хотя и не знали, откуда грозит опасность. Остальные гости погрузились в шокированное молчание и вытягивали шеи, пытаясь увидеть, что за приступ безумия охватил последнего Йегару.

– И что? – через секунду рассмеялся Кассаис. – Я уж думал, та кошка явилась на второй раунд.

Ольтанир Йегара не сводил глаз с угла стола, где миг назад лежала рука Вайла. Там, невинно пристроившись на богатых извивах древесного узора, лежала кристаллическая пластина, то ли та, что он нашел рядом с покоями Ку'изала, то ли другая такая же. Лорд-Сорокопут проследил за его взглядом и сразу наткнулся на маленький поблескивающий прямоугольник. Пробормотав ругательство, он наклонился и стал его рассматривать.

Кассаис тихо чертыхнулся. Еще одна кристаллическая пластинка мерцала на том месте, где он сидел. Не обращая внимания на любые потенциальные опасности, он поднял тонкий прямоугольник и оглядел его. Изображенные на поверхности двойные маски, плачущая и смеющаяся, загадочно взирали на него пустыми глазницами.

– Кажется, Вайл, к тебе пожаловали незваные гости, – через миг произнес Кассаис, – если только это не какая-то подстроенная тобой забава, о которой ты, хитрая бестия, умолчал.

– Что… что это значит? – проблеял Йегара. Зал был погружен в молчание. Все гости повернули свои жестокие и красивые лица к Вайлу, нетерпеливо ожидая, что он скажет об этих странных явлениях. Лорд-Сорокопут уже поднял и изучил собственную пластинку. Он бросил ее обратно на стол и улыбнулся своей ледяной улыбкой, прежде чем ответить.

– Это означает, что меня избрали для особой чести, коей я, в щедрости своей, поделюсь с вами, мои гости и придворные, – громко произнес Вайл. Сквозь его голос снова пробился гром, и он начал медленно идти вдоль стола, продолжая говорить. – Нас пригласили поучаствовать в Маскараде, и мы увидим такие зрелища, что немногие и в самой Комморре могут похвастаться тем, что наблюдали их.

Лорд-Сорокопут остановился, запрокинул голову и выкрикнул еще громче:

– Я согласен, слышите меня, арлекины? Я знаю, что вы слушаете меня. Я принимаю предложение. Придите, откройте себя моему залу.

Как только слова сорвались с его губ, рядом с ним произошла небольшая вспышка и в воздух театрально взмыло кольцо алого дыма. Дым рассеялся по сторонам, открыв долговязую фигуру в темной облегающей одежде, с лицом, скрытым за маской с вихрящимся узором. Гибкое существо поклонилось в пояс, согнувшись почти пополам, и ловко шагнуло в сторону. При этом, благодаря какому-то обману зрения, рядом с Вайлом вдруг оказалось уже две фигуры. На маске одной из них теперь появилась стилизованная ухмылка Цегораха, а по другой стекали слезы Иши.

Оба фантома снова поклонились и встали в позу, выгнув одну руку над головой так, чтобы она соприкасалась кончиками пальцев с рукой партнера, а другую держа поперек корпуса и касаясь друг друга ладонями. Две фигуры начали танцевать под неслышную музыку. Сначала в куртуазном па-де-де они пронеслись вокруг всего зала, одновременно торжественно и до смешного нелепо, а потом один из них стал вести в танце. Неверные шаги и фортели улыбающейся фигуры становились все более возмутительными, в то время как его плачущий партнер в сложном танце пытался удержать его на верном пути. Двое скакали и кувыркались друг над другом с ловкостью, которой поражались и восхищались их зрители. Их ладони и кончики пальцев ни разу не оторвались друг от друга, даже когда это казалось невозможным.

Пляска стала более быстрой и исступленной, теперь танцовщица в маске Иши пыталась оттолкнуть от себя того, что улыбался. Неважно, насколько сильно она его отбрасывала, в сторону или в воздух, плачущая танцовщица никак не могла избавиться от смеющегося партнера. Всякий раз ее нежеланный ухажер стремительно возвращался, будто притягиваемый магнитом, и их руки не разделялись. В конце

концов она подбросила его вверх и удержала на весу. Две фигуры превратились в отражения, сомкнувшиеся руками – одно вверху, одно внизу – и балансировали в шатком равновесии. В этой позе они остались на невозможно долгое мгновение, а затем нижняя фигура вдруг уронила своего партнера, вызвав испуганные ахи у зрителей. Падая, две фигуры слились и превратились в единственного танцора в вихрящейся маске, который встал и еще раз поклонился Вайлу.

Сразу после поклона со стороны дверей зала раздался громоподобный грохот. Долговязая фигура сгорбилась и приподняла маску-водоворот, глядя на Лорда-Сорокопута, словно верная гончая. Вайл снисходительно взмахнул рукой.

– Иди впусти их, – сказал он. – Давайте посмотрим, какие еще важные особы пожаловали к нам этой ночью.

Одинокий арлекин вскочил и помчался к дверям. Кассаис воспользовался передышкой, чтобы наклониться и прошептать в ухо Вайлу:

– Ты действительно уверен, что это следует делать, дорогой кузен? Впустить в этот порт, так сказать, еще один корабль?

Выражение лица Лорда-Сорокопута ни на йоту не поменялось от этой демонстрации неповиновения.

– Тебе бы стоило поучиться у Йегары, у вас обоих одна и та же странная склонность говорить, что мне делать в моих собственных владениях, – прорычал Вайл в ответ. – Ты что, хочешь, чтобы я закрыл свои двери перед труппой арлекинов и претерпел последствия такого поступка? Я не такой уж глупец!

К этому времени арлекин с силой толкнул двери и распахнул их створки. За ними предстала сцена, совершенно непохожая на угрюмый тесаный камень Слияния. Теперь за дверями возникла сцена из зеленого леса, поляна, купающаяся в ярком солнечном свете. Две фигуры поднялись из центра лужайки. Одна была высокая, облаченная в роскошный алый наряд, увенчанный золотой маской. Другая, ниже ростом, была закутана в мантию с капюшоном, которая казалась сотканной из теней. Когда она поднялась, стало видно, что на ней лишенная каких-либо черт овальная маска, блестящая словно ртуть.

– Приятно встретиться, друзья мои, – сказала красная фигура чудесным, медоточивым голосом, который как будто проникал в каждый уголок зала. – Я – Ашантурус, король древней и ныне утраченной страны. Это – Цилия, моя муза и королева.

Взяв Цилию за руку, Ашантурус вошел в двери, и толпа гостей Вайла расступилась перед ним, как изморозь под лучами солнца. В зал вплыл аромат полевых цветов, а с ним послышалось пение птиц. Вдруг за королем появились другие фигуры и устремились в двери сплошным потоком, неся гирлянды, ленты и развевающиеся шелковые знамена. Миг за мигом оранжевый зал претерпевал метаморфозу из места, полного коричневатых теней, в яркий, красочный простор, воплощающий дикость и первобытность.

– Благодарю вас за то, что вы приветствовали моего странствующего слугу Ло'тоса и приняли наш Маскарад, – сказал Ашантурус Вайлу, а затем кивнул, обращаясь к кому-то позади архонта. – Позвольте мне также представить Храдхири Ра и… Пестрого.

Лорд-Сорокопут обернулся и увидел, что на его собственном троне теперь восседает невысокая фигура, облаченная в архаичный костюм, покрытый крошечными перемежающимися ромбами черного и белого цвета – действительно пестрый, подумал Вайл. За троном стояла внушительная фигура в длинном плаще и череполиком шлеме, видимо, Шут Смерти труппы. Вайл мрачно улыбнулся от этого зрелища.

– Приветствую, Смерть, – хладнокровно обратился он к Храдхири Ра. – Я всегда думал, что ты стоишь за моим плечом, и теперь я вижу, что это правда.

– Смерть стоит за плечом любого смертного, – проговорил Шут Смерти скрипучим голосом. – Они рождаются лишь для того, чтобы дождаться прикосновения ее костяных пальцев и покинуть этот мир. Сегодня ли, завтра – неважно, в конце концов смерть приходит за каждым.

Кассаис громко рассмеялся.

– Может быть, в мире грязи, где вы живете, это так и есть, но в вечном городе смерть не имеет власти, – сказал он.

– О, я вынужден с этим поспорить, – вставил Пестрый с всезнающей ухмылкой. – Я бы сказал, что власть смерти в Комморре сильнее, чем практически в любом ином месте во вселенной. Ты имеешь в виду, что некоторые жители просто не чувствуют ее прикосновение так уж часто, но и это не правда. Всё, и я повторяю, всё однажды умирает. Истинный вопрос состоит в том, можно ли после этого вернуться.

– Хватит, шут! – одернул его Ашантурус. – Эти благородные господа собрались здесь не для того, чтобы слушать твой философский вздор! Удались отсюда до тех пор, пока тебя не призовут.

Пестрый поднялся с язвительной усмешкой и старательно поклонился всем присутствующим, не исключая и подносов с моллюсками, прежде чем вальяжно удалиться, насвистывая на ходу. К этому времени вход в зал уже полностью исчез под драпировкой из прозрачной ткани и проволочными петлями, на которые была натянута металлическая сеть. Все это производило эффект сужающейся естественной пещеры в скале или изгибающейся воронки торнадо, видимого сверху.

– Господа, – более спокойным голосом произнес Ашантурус. Теперь он был тише, чем прежний, царственный трубный глас. – Я представил вам солистов нашего Маскарада, но, как вы видите, многие другие также будут играть в нем роли. Танцоры, музыканты, хор – и даже сама сцена – члены нашей труппы удовлетворят все возможные надобности. Попрошу вас и ваших благородных гостей не взаимодействовать с актерами, пока те выполняют свою работу, если только вас не пригласят. Нарушение чревато… опасностью. Кроме того, когда представление начнется, оно должно беспрерывно продолжаться до самого завершения. Можете ли вы… согласны ли вы на эти условия?

Глаза Лорда-Сорокопута проницательно сузились при этих словах мастера труппы.

– Я могу согласиться с ними, но я не предоставлю вам полной гарантии, что никто вас не прервет и не будет докучать вам. Я могу отдать приказ и наказать любого из моих гостей или слуг, которые не подчинятся мне, но я не возьму на себя ответственность за вмешательство случая, судьбы или самих богов.

Ашантурус наклонил ухмыляющуюся маску в знак почтения к Вайлу.

– Мудрые слова, мой господин. Воистину, немногие на всем великом колесе бытия обладают столь прагматичным взглядом на реальность, как вы.

– И как же вы намереваетесь отплатить Вайлу за его милость? – высокомерно потребовал ответа Кассаис. – Как вы будете нас развлекать?

Что-то в этих арлекинах беспокоило Кассаиса. Может, это были елейные заверения их притворного «короля». Может быть, то, что он то и дело замечал, как другие арлекины искоса посматривают на них,

как будто на что-то особенно смешное. Как бы там ни было, Кассаис чувствовал все больший дискомфорт из-за неожиданного прибытия актеров.

Ашантурус ответил голосом, торопливым от, казалось, едва сдерживаемого возбуждения:

– Мы представим вам Падение в трактовке Урсилласа, цикл, который наиболее широко известен под названием «Полумрак».

Вайл исподтишка глянул на Кассаиса, но не увидел на его лице никаких признаков узнавания имен, которые упомянул глава труппы. Он решил, что может без опаски продемонстрировать невежество, которое сойдет за смелость. Какому истинному архонту Комморры хватало времени или терпения, чтобы изучить мириады пьес, комедий, трагедий и моралите, окружающих Падение эльдарской цивилизации?

– Никогда о нем не слышал, – безразлично сказал Лорд-Сорокопут. – Вы же не собираетесь утомлять нас какой-то малоизвестной чепухой, до которой никому нет дела?

– Ни в коем случае! – с чувством провозгласил Ашантурус. – «Полумрак» – это шедевр! Он необычен тем, что разделен на три акта, что делает это произведение весьма подходящим для длительного празднества, такого, как это. Полное представление пытались провести менее чем сотню раз, но, к сожалению, я не уверен, что нам удастся достичь его даже пред столь августейшими зрителями.

Вайл обнаружил, что слова арлекина его задели.

– Что? Почему нет? Я достоин лучшего из того, что вы можете предложить, и даже большего!

Ашантурус ответил с некоторой нерешительностью:

– Полное представление «Полумрака» требует… как бы мне деликатнее выразиться? Полное представление требует определенного участия со стороны зрителей, на которое большинство оказывается не согласно.

+Действуй тонко,+ мысленно прошептала Цилия в мозгу Ашантуруса. +Не преувеличивай сложность, иначе они могут осознать, что ими манипулируют.+

+Я знаю, что делаю,+ коротко ответил Ашантурус. +Сконцентрируйся на Кассаисе – из этих двоих у него более слабая воля. Если он решится, то решится и Вайл – он ни при каких обстоятельствах не позволит, чтобы гость опередил его.+

Вайл и Кассаис понимающе ухмылялись друг другу. Оба знали, что любой из них готов пойти на что угодно, пока это не умаляло их личного могущества или престижа.

Кассаис уже собирался ответить, как его прервал Пестрый, который вывел вперед бледного и дрожащего Ольтанира Йегару. Подчеркнуто проигнорировав Кассаиса и Вайла, арлекин с преувеличенной торжественностью представил Йегару Ашантурусу, кланяясь как заведенный.

+Что замыслил Пестрый?+ подумала Цилия. Ашантурус не ответил, но Провидица Теней почувствовала нарастающее напряжение в сознании Высшего Аватара.

– Ваше величество, этот достойный малый вызвался участвовать в первом акте нашего представления, – гордо пропел Пестрый. – Он заверил меня, что понимает все связанные с этим потенциальные риски.

Ашантурус едва заметно кивнул, прежде чем повернуться обратно к Вайлу и Кассаису.

– Кажется, благодаря стараниям Пестрого у нас уже есть доброволец. Если позволите, господа, это значит, что я должен обратиться к труппе и внести определенные изменения в представление. Один момент, и мы будем готовы приступить к первому акту…

+Рискованно…+ заметила Цилия.

+Пестрый не оставил мне выбора,+ мысленно вздохнул Ашантурус. +Полагаю, они обязательно схватят наживку, когда она заболтается прямо перед ними.+

– Ты никуда не пойдешь, пока не разъяснишь мне, что происходит, – отрезал Вайл. Он подхватил со стола кубок и сделал глубокий глоток, чтобы дать себе больше времени и собраться с мыслями и вместе с тем заставить Ашантуруса ждать, пока он не закончит. У Лорда-Сорокопута появилось ощущение, что труппы арлекинов пытается не допустить его до ценной добычи, думая, будто он ее недостоин.

– Ну? – гаркнул он, швыряя изящный волнистый сосуд обратно на стол. Торопливо подбежал раб, чтобы заново его наполнить.

Ашантурус выглядел слегка огорченным, и его ухмыляющаяся маска уставилась вниз, когда он заговорил:

– Для постановки шедевра Урсилласа необходимо, чтобы один или несколько членов аудитории вплели собственные рассказы в великое полотно изображаемых событий. Известно, что события Падения можно сделать более живыми и реалистичными для зрителей, если использовать их в качестве, так сказать, декораций для персональных историй

– Это я могу, – вдруг выпалил Кассаис. На его лице мелькнуло удивление от собственного порыва.

+И ты еще говоришь, что я действую грубо?+ съязвил Ашантурус. В ответ до него донесся только отзвук звенящего смеха Цилии.

– Воистину, – одобрительно кивнул Вайл. – Кассаис может поведать уйму рассказов, от которых у вас побелеют волосы, и некоторые из них могут даже оказаться правдой! Все они, конечно же, лишь бледные тени по сравнению с глубиной и богатством моей собственной истории, и я чувствую себя уязвленным тем, что ты, мастер труппы, так стремишься отказать мне в участии.

– Прошу вас, поверьте: я не хотел вас оскорбить, – ответил Ашантурус, чей густой медоточивый голос был пронизан сожалением. – Как я уже упомянул, в этом есть определенный риск. В прошлом участники так сильно проникались представлением, что наносили себе вред, веря, что они действительно переживают события, описанные в их собственном рассказе или на более просторном холсте самого Падения. Некоторые даже поплатились жизнью… Я не желаю подвергать какой-либо опасности нашего почтенного хозяина и покровителя.

+И снова – не преувеличивай, мой король шутов,+ прошептала Цилия в сознании Ашантуруса.

– Опасности – это пища и питье для нашего рода, – промурлыкал Кассаис, частично вернув себе прежний апломб. – Я не слишком высокого мнения о шансах Йегары на выживание, но Вайл и я определенно слеплены из более прочного теста. Все истинные архонты Комморры тонко понимают, в чем игра отличается от реальности. Такова игра, которую мы разыгрываем друг с другом каждый день.

+И снова ты недооцениваешь показную храбрость комморритов,+ с долей самодовольства ответил Ашантурус. +Это создания, вскормленные в гнезде из острых лезвий, а не в тепличной среде

искусственного мира.+

– Действительно, – сказал Вайл, искоса поглядывая на Кассаиса с его довольно-таки неуклюжими речами. – Решено, мы с Кассаисом поучаствуем в пьесе. Ты сказал, что будет три акта. Пусть Йегара берет на себя первый, чтобы показать, как не следует это делать, Кассаис возьмет второй, чтобы разогреть толпу своей вздорной похвальбой, а я – третий, чтобы продемонстрировать, как правильно поведать историю, от которой у всех слушателей застынет кровь в жилах.

+Они принимают пьесу за возможность снова рассказать старые страшилки,+ прошептала Цилия.

+И это идеально подходит нашим целям,+ подумал в ответ Ашантурус.

– Все будет так, как вы прикажете, – с поклоном сказал Ашантурус. – Вы можете отказаться в любой момент, если, посмотрев на пример в лице Йегары, вдруг не захотите продолжать.

– Мне начинают приедаться твои сомнения, мастер труппы, – холодно ответил Вайл. – Не тяните время, готовьте свое представление.

Ашантурус снова поклонился, отошел назад, а потом быстро шагнул в сторону, где теперь стояли Йегара, Цилия и облаченный в серое Солитер. Под маской-домино Пестрого сияла широкая ухмылка.

Глава шестая - Рассвет / Рассказ предателя

В глубинах пустоты холодно мерцали звезды, по орбитам кружились планеты. Перед зрителями появился Ашантурус, теперь полностью облаченный в белые одежды, с золотым посохом в руке, и заговорил нараспев звучным голосом:

– Во времена рассвета возник наш народ,

и боги привели его занять свое место

на великом колесе реальности.

Похожие на призраков дети света появились из-под земли вокруг мастера труппы. Они осматривались светящимися глазами, изучая все вокруг себя, и безмолвно выражали невинную радость, видя, что они не одни. Огромные тени-силуэты, что двигались на фоне звезд, теперь стали яснее очерчены, сначала мерцанием потусторонних глаз, а потом блеском корон или украшенных драгоценностями одеяний, в которые были облачены эти боги, наблюдающие за всем с высоты.

Запел высокий женственный голос, настойчиво отдающийся в ушах рефрен, призывающий детей собраться вместе. Вскоре к нему присоединились другие голоса: мужские, женские, высокие и низкие, и каждый из них пел на собственный мотив. Постепенно они материализовались на звездном небе. Ашантурус называл имена богов по мере их появления:

– Великий Азуриан и его возлюбленная Гиа,

мудрый Хоэк и Цегорах-обманщик,

дальновидная Лилеат, смертоносный Кхейн,

трудолюбивый Ваул, старуха Морай-Хег…

и двое, что любили нас больше всех,

двое, от которых мы пошли:

Иша, мать урожая, и Керноус-охотник.

Цилия приняла роль Иши, Ло'тос стал Керноусом, богом красной луны. Некоторые из других богов были благородны, другие – свирепы, но все их голоса сливались воедино в великую песнь, которая то поднималась, то снова затихала по всему залу, пока Иша и Керноус танцевали вместе. Крейданн Цилии выпускал крошечные, звездоподобные искры, которые взрывались, испуская ароматные облака над аудиторией. Эти запрограмированные галюциногенные газы были специально нацелены на то, чтобы усилить и преувеличить то, что воспринимали зрители.

Тем временем дети богов слетались вослед Керноусу и Ише, словно листья на ветру. Они вихрем кружились перед грандиозным хором, становясь все менее и менее похожими на детей по мере того, как следовали по стопам своих создателей. Дети выросли, их конечности стали длинными, а сложение изящным, и теперь они танцевали, полные достоинства и уверенности.

– Проходило время, и боги учили нас

Всему, что только могли мы узнать,

И в свою очередь мы узнали, зачем мы нужны им.

Тленное владычество Смерти простерлось по великому колесу,

Неизбежный конец настигал всех, кто стоял перед ней.

Костлявые череполикие фигуры Храдхири Ра и его собратьев, Шутов Смерти, поднялись из тьмы, словно призванные словами Ашантуруса, и боги внезапно отступили. Голоса хора стали неровными и воинственными, когда на сцене возникли эти мрачные силуэты. Шуты Смерти начали повсюду преследовать детей богов, но проворные танцоры уклонялись и уворачивались от кос, со свистом рассекающих воздух, и только смех слетал с их губ.

Теперь некоторые танцоры вооружились для защиты собственными клинками, что яркими дугами разноцветной энергии метались рядом с темными металлическими лезвиями жнецов. Центральный конфликт распался на множество отдельных водоворотов света и тьмы, где без конца бушевала неистовая акробатическая схватка. Ашантурус заговорил снова, на сей раз обращаясь непосредственно к зрителям:

– В это время гибельной распри услышьте же историю о борьбе, триумфе и скорби из более поздней эпохи. Услышьте историю того, кто когда-то, совсем недолго, был господином этого дома. Вслушайтесь в его слова и спросите себя, поступили бы вы иначе.

Вдруг с одной стороны сцены оказался Ольтанир Йегара. Он стоял один в круге света и не двигался, охваченный страхом, в то время как всюду вокруг него, будто кометы, по-прежнему кружили танцоры, сражающиеся с живыми подобиями смерти. Воинственное пение хора мало-помалу угасало, пока не превратилось в шелест на заднем плане, подобный звуку волн, омывающих берег. Последний Йегара стоял с широко раскрытыми глазами и потел, пытаясь что-то сказать. Из тьмы, где сидели зрители, донесся издевательский смешок – Вайл или Кассаис решил оповестить окружающих о своем презрении.

Этот звук как будто что-то внезапно и глубоко изменил в последнем Йегаре. Он вскинул голову так

резко, словно кто-то схватил его сзади, его губы зашевелились, и он начал говорить высоким голосом, будто напевая:

– Давным-давно мои предки нашли это заброшенное царство,

когда бежали от ужаса, что еще не бросил тень на эту сцену.

Тяготили их страх и спешка, когда явились они в Траурную Марку,

потому они завладели ей, хоть и жили здесь отсталые дикари,

невежественные создания, что были брошены на произвол судьбы,

когда ушли их древние повелители.

Круг света расширился, и стало видно, что пока Ольтанир говорил, за его спиной возникла живая картина. Однако сам он не повернул головы, чтобы взглянуть на нее – более того, казалось, что он вовсе не может ею пошевелить. Позади него стояла группа эльдаров, разодетых в роскошные одежды, и их возглавляла решительно выглядящая воительница с блестящими черными волосами. Гладкокожие лупоглазые аборигены Траурной Марки преклоняли перед ними колени, поднося им отполированные морские раковины и рыбу с серебряной чешуей.

– Б'Кви Йегара знала, что делать с дикарями,

знала, как научить уважению.

Она построила крепость на их крови и костях,

она украла их мелких божков

и научила поклоняться ей самой вместо них.

Что-то ярко вспыхнуло, а когда вспышка угасла, сцена уже изменилась. Черноволосая воительница теперь стояла на вершине горы из мертвых гладкокожих тел, и Храдхири Ра возвышался за ее плечом. Выжившие туземцы держались в стороне от нее и пресмыкались на брюхе, но не могли выйти за пределы круга света. Свет охватил их мир и пленил их в себе вместе с их мучительницей.

– Много сонных эпох мой клан провел в этом потаенном саду, что создала Б'Кви.

Поколение за поколением жили они в роскоши и неге, попирая побежденных.

Клан процветал, разветвлялся, разделялся по всем островам.

Лишь много поколений спустя они снова собрались вместе,

Чтобы решить, кто станет наследником, когда умерла Б'Кви.

Сцена позади Ольтанира Йегары изменилась: несколько эльдаров позировали вокруг похоронных носилок, на которых возлежала темноволосая воительница. На каждом углу носилок покоился звероголовый сосуд – от этой маленькой детали Ольтанир задрожал и отшатнулся – в ногах же стоял Храдхири Ра. Эльдары выглядели аристократично и были богато одеты, однако разглядывали друг друга с очевидной враждебностью и плохо скрываемым презрением. Один из вихрей сражений, бушующих за пределами живой картины, беззвучно приблизился, и на сцену прокрались другие Шуты Смерти. Эти отпрыски смерти подошли и встали за плечами у каждого из участников похорон, как ухмыляющиеся

тени.

– Ку'изал Йегара оказался мудрейшим,

Первым он осознал, что конфликт неминуем, и первым нанес удар.

Так жестокая хитрость повергла его соперников посреди Слияния,

и так завладел он наследством Б'Кви.

Увы, не смог он в тот миг уничтожить

все ветви и корни разрозненного клана.

Тени в масках-черепах с ножами в руках напали на эльдаров. Некоторые жертвы погибли, другие сбежали, и вскоре остался только один из аристократов, алчно склонившийся над погребальными носилками Б'Кви с хищной триумфальной улыбкой на губах. Круг света внезапно исчез, и микрокосм Ольтанира Йегары растворился среди кувыркающихся бойцов, сражающихся на обшем фоне повествования. Эльдары победоносно наступали на крадущихся вестников смерти, акробатически перескакивали через их головы и теснили отвратительные силуэты обратно в тени. Ашантурус выступил вперед, чтобы снова выступить рассказчиком.

– Смерть была изгнана,

ее выдворили во тьму, откуда она пришла.

Дети богов взглянули на свое новое наследие

и обнаружили, что боги не так часто появляются на их стороне.

Наш род, уверенный в своем новом могуществе,

начал поворачивать великое колесо к своим собственным целям.

Пока мастер труппы говорил, танцоры незаметно разделились на различные группы. Некоторые своими движениями чертили в воздухе легкие башни из света, другие стилизованно изображали исследователей или ораторов, другие изучали зал и бродили среди зрителей, вглядываясь то в одного, то в другого, словно в какую-то незнакомую находку. Некоторые члены труппы продолжали танцевать как будто лишь ради самого танца, а другие музицировали, аккомпанируя им, просто ради удовольствия игры.

Через какое-то время из-за кулис снова появились Иша и Керноус и начали двигаться от одной группы к другой. Но всякий раз на них не обращали внимания. Теперь боги были, очевидно, незримы и неслышны для своих детей. Иша плакала, Керноус пытался успокоить ее, но тщетно. Когда скорбящие боги ушли со сцены, снова появился Ольтанир Йегара в том же круге сияния. Непринужденная грация, продемонстрированная Цилией и Ло'тосом, сделала его еще более неуклюжим и нелепым по сравнению с ними.

Пока Ольтанир говорил следующую строфу, по всему залу возникали миниатюрные картины и сразу же исчезали, едва их успевали увидеть. В каждой актеры изображали чью-то ужасную смерть: на одинокого путешественника набрасывались наемные убийцы, лорд в своем зале давился отравленным вином, двое возлюбленных заключали друг друга в страстные объятья, в то время как один обнажал клинок за спиной другого, чья-то фигура, хватаясь за воздух, падала из высокого окна, и еще много, много иных.

– Так все и шло,

кровь требовала крови,

вендетта порождала вендетту,

пока не осталось одно лишь потомство Ку'изала.

Но слишком мало осталось тех, кто выжил,

чтоб насладиться победой.

Дом Йегара стал умаляться,

и время подтачивало его, как море точит утес.

Сцены насилия мелькнули в последний раз и прекратились, оставив Ольтанира одиноко стоять в круге света. Вокруг границы круга столпились гладкокожие, лупоглазые туземцы с непроницаемыми лицами и наблюдали за ним, и будто по волшебству их количество медленно, но неумолимо становилось все больше. Теперь казалось, что Ольтанир заключен в этом свете, что он заперт внутри сужающегося круга.

– Ку'изал увидел, что за конец их ждет, и что он уже неминуем.

Дальновидный, как прежде, он первым все понял.

Среди Оникса он испустил свой последний вздох,

все вокруг окутав огнем и разрушением.

Никто не оплакал его тщетную жертву.

И проклял в конце он руины, которые создал.

Позади Ольтанира некая одинокая фигура прошла по коридору в чернильную тьму. Прежде чем она полностью исчезла из виду, позади нее возникла занавесь огня. Раздался хриплый надрывный вопль, а потом полностью исчез за грохотом камней и треском пламени. Над залом повисла тишина, Ольтанир, судя по виду, дышал с трудом. Мгновения растягивались в долгие секунды, пока, наконец, чей-то новый голос не побудил его продолжить историю. Это был веселый голос, как будто смеющийся над этим мрачным рассказом.

– Так значит, нужна тебе помощь?

Ты хочешь друзей обрести?

Так быстро в портал, устремимся туда,

Где все это можно найти!

Ольтанир заморгал, увидев невысокую серую фигуру, которая протиснулась между гладкокожими аборигенами и вторглась в его маленький световой круг. Пестрый широко ухмыльнулся ему и поклонился, жестом приглашая последнего Йегару продолжить свое повествование. Ольтанир нервно облизнул губы и кивнул.

– Некогда Б'Кви заперла порталы, но с уходом Ку'изала засияли новые знамения.

Никто не мог понять, что нужно делать, кроме меня.

Медленная смерть и полное вымирание или вмешательство большей силы –

я выбрал второе и тщательно собрал все свои знания.

Я отправился в вечный город, чтобы продать свои секреты за желание моего сердца.

Ольтанир говорил с неубедительной бравадой, как будто он был героем в этом произведении. Однако позади последнего Йегары двигалось его карикатурное подобие – в данном случае искусно изображаемое Ло'тосом – и выдавало ложь в его словах посредством своих действий. Этот ложный Ольтанир крался вперед, как вор в ночи, подслушивая у замочных скважин, заглядывая в окна, роясь в кучах обломков в позабытых комнатах. В конце концов крадущаяся и пресмыкающаяся фигура превратилась в силуэт возле паутинного портала, а потом исчезла.

Зрителям теперь казалось, что они больше не в душном зале Гробницы Ветров. Горизонт отдалился и покрылся острыми как бритва шпилями и шипастыми башнями. Высоко над ними медленно проплывали полупрозрачные отравленные солнца, проливая мертвенный свет на темный ландшафт внизу. На заднем плане Ольтанир уже стоял на коленях перед собранием бледнокожих высокородных комморритов в черных доспехах. Йегара спрятал лицо в руках, поэтому Пестрый заговорил снова, ясным голосом, густо насыщенным иронией.

– Радости нету от этих друзей,

И помощи даже не жди.

Лишь раз ты слабость им показал –

Они придут как враги.

Комморриты жестоко ухмылялись и с очевидным удовольствием угрожали дрожащему Йегаре. Они толкали и тянули его съежившееся тело между собой, временами перебраниваясь, словно стая стервятников, дерущихся из-за лакомого куска падали. Мало-помалу комморритам, похоже, надоело это развлечение, и они постепенно разошлись, пока не остался только один. У этого одинокого аристократа были острые, хищные черты, лик никого иного, как Лорда-Сорокопута – Вайла Меншаса.

Фон из шпилей беззвучно раскололся на куски на глазах у зрителей. Обломки разлетелись в стороны и собрались в новую сцену, в то время как фигуры Вайла и Ольтанира остались неподвижны. Теперь они стояли на изрезанном побережье Траурной Марки, а на заднем плане маршировали скрытые тенью ряды комморритских воинов. Пестрый заговорил снова:

– Не для помощи, не для защиты,

Но чтоб слабым мирком завладеть,

Лорд простер свои темные крылья.

Марка пала, и с ним пришла смерть.

Ольтанир вскочил на ноги, его лицо налилось краской, а глаза заполнились слезами. Он дико озирался, как будто ища выход, чтобы сбежать, но ничего не видел. Внезапно сцена взорвалась какофонией

причитающих, кричащих и умоляющих голосов. Говорящие были невидимы, но Ольтанир, очевидно, понял, кто они такие. Это был весь его клан, все его родственники до последнего, которых уничтожали палачи Лорда-Сорокопута. Ольтанир зажал уши руками, но голоса продолжали резонировать в его голове. Он совершенно забыл о представлении, об арлекинах и даже Вайле Меншасе. Пока последний Йегара пошатывался от ужаса, Пестрый быстро выступил вперед и продолжил говорить:

– От корней до веток

Целый клан был выжжен.

Лишь один наследник

Не расстался с жизнью.

Предал все, что знал он,

Все, чем дорожил,

Только чтоб остаться

В бойне той живым.

Видение Траурной Марки и войск Вайла растаяло в воздухе. Остался только Ольтанир, который трясся посреди темноты, и долгое время никто ни говорил, ни шевелился. Потом сквозь стены ворвался жаркий ветер, принеся с собой запах горелого. Вдали разгорелось красное пламя, озарив тусклым светом отвратительную фигуру. Ольтанир сразу узнал в ней труп Ку'изала Йегары, каким его нашли после пожара в Ониксовом флигеле. Это было лишенное глаз, почерневшее тело, с обожженных костей которого свисали обуглившиеся лохмотья плоти. Ужасное наваждение обвиняюще указало пальцем на Ольтанира и нараспев проговорило сухим бесстрастным голосом:

– Последний из нас, последним умрешь.

Ты проклят навеки и делом и словом,

Сей приговор, никчемный ты пес,

Себялюбцам да станет вечным уроком.

Может быть, разум Ольтанира раскололся именно в этот момент. Цилия уже заметила, что его рассудок был хрупок и держался лишь на самообмане и гордости. Последний член клана Йегара зашатался в круге света, бессвязно забормотал, а затем метнулся к выходу в Слияние, налетая на декорации и зрителей, как слепой. Отовсюду на него сердито кричали, пока он ощупью не выбрался из зала. Слуги старого клана Йегара теперь понимали, почему их жизни так легко оказались под владычеством Комморры, и ненавидели Ольтанира за предательство. Последнего Йегару проклинали и поносили, пока он не исчез из виду. Его вопли отчаяния, доносящиеся до зала, становились все тише и тише, пока вдруг не оборвались.

Светильники Янтарного зала медленно разгорались заново, и, наконец, зрители стали видеть достаточно, чтобы начать изумленно переглядываться. Кассаис повернулся к Вайлу и обнаружил, что чувствует необъяснимое облегчение от того, что Лорд-Сорокопут никуда не подевался. Все следы арлекинов, хора, танцоров, декораций и реквизита исчезли. Судя по всему, представление – или, по крайней мере, его первый акт – завершилось, и теперь, как после сновидения, казалось неясно,

произошло ли оно вообще или нет.

– Верно ли они изобразили события? – спросил Кассаис. Вайл приподнял брови и поковырял какое-то блюдо, прежде чем соизволить ответить.

– То, как жаба явилась в Комморру? Да, пожалуй, до известной степени, – признал Лорд-Сорокопут. – Хотя мы не совсем так с ним обошлись. Вект должен был сказать последнее слово по поводу того, кто получит выгоду от нового доступного субцарства, а мне надо было просто доказать, что я самый верный и способный из архонтов, которым можно доверить контроль над ним.

– Я бы с удовольствием услышал, как тебе это удалось, – промурлыкал Кассаис. – Нашему возлюбленному Верховному Властелину, как известно, нелегко угодить.

– Ты можешь прожить несколько жизней и так и не причаститься к этой информации, – отрезал Вайл.

– Не пойму, то ли Йегара действительно сошел с ума, – вслух подумал Кассаис, – то ли это была просто часть представления?

Глава седьмая - Второй банкет

+Значит, провал.+

+Нет, успех. Теперь мы знаем, что Ольтанир Йегара – не тот, кого мы ищем.+

+Должны ли мы слепо продолжать, пока не наткнемся на ответ?+

+Возрадуйтесь! Мы будем просто заниматься своим искусством, и оно само по себе предаст злодея правосудию.+

+Вне зависимости от сопутствующего ущерба?+

+Случайное правосудие также может попутно падать на головы других виновных, это правда.+

+Не будем проливать по ним слезы. Я полагаю, в этом отношении мы служим некой высшей силе.+

+Ну, не так кисло! Ты что, не видишь юмора в этой ситуации?+

На следующее утро Кассаис нашел Вайла на крепостной стене. После вчерашней грозы ее старые камни были подметены ветром и мокры от дождя, но, посидев взаперти в пахнущем плесенью замке с его монохромными залами, Кассаис был рад найти здесь свежий воздух. Перспектива провести целую неделю в Гробнице Ветров уже начинала казаться некой неприятно опосредованной формой пытки.

Вайл стоял с длинноствольной осколочной винтовкой в руках и целился во что-то внизу, в лесу. Приближаясь, Кассаис услышал пронзительный треск выстрела, а затем Вайл выругался, шипя, словно джиринкс. Видимо, промахнулся.

– Не повезло, – дружески утешил его Кассаис. – Дашь мне попробовать?

Вайл повернулся и угрюмо посмотрел на него, но смягчился и с очевидным отвращением сунул ему осколочную винтовку.

– Вперед, – сказал Лорд-Сорокопут. – Посмотрим, в чем проблема – в винтовке или во мне.

Кассаис пожал плечами и принял винтовку. Это было прекрасное оружие явно комморритского производства. Тонкие желобки на стволе и микроскопическая филигранная обработка рукоятей напомнила Кассаису изделия с улицы Ножей. На самом деле ее мог изготовить любой из нескольких тысяч оружейников Комморры, которые служили высшим эшелонам города. Это была охотничья винтовка с удлиненным стволом, амортизированным прикладом и мультиспектральным оптическим прицелом. Кассаис отработанным движением приложил ее к плечу и начал всматриваться в кромку леса.

То, что он увидел, заставило его снова опустить оружие, чтобы убедиться собственными глазами. За подстриженной травой газона рядом с крепостью простирался лес, и его зеленые кроны покачивались на порывистом ветру. Вчера он казался древним и недвижимым, но теперь вся эта чертова масса как будто двигалась подобно медлительному зеленому морю.

Однако не это удивило Кассаиса. По всей кромке леса он видел большеглазые лица, которые таращились на него в ответ, и гладкие тела туземцев, рассевшихся группами между толстыми стволами деревьев. На виду было несколько сотен, а за пределами видимости, в лесу могла скрываться целая армия. Те, кого он видел, вели себя не агрессивно, даже более, они почти не шевелились. Все просто выжидающе и пристально глядели на крепость.

Кассаис поднял винтовку к плечу и навел ее на одну из морд под деревьями. Прицел отреагировал на движения крошечных глазных мышц и стал увеличивать изображение, пока отметка целеуказателя не остановилась точно между выпученными немигающими глазами существа. Каким бы токсином не были снаряжены боеприпасы к винтовке Вайла, они наверняка были достаточно смертоносны, чтобы убить, даже нанеся мельчайшую царапину, но Кассаис был фанатом точности, даже – или, скорее, особенно – когда она не была необходима. Он хотел попасть в голову.

Когда он убедился, что винтовка не может не попасть в назначенную цель, то прикоснулся к кнопке активации и почувствовал едва заметный толчок отдачи. В тот же самый миг абориген, сидевший вдалеке, необъяснимым образом пригнулся, исчезнув из виду. Сверхскоростной осколок, выпущенный винтовкой, долетел до назначенного места долей секунды позже. Кассаис выругался с той же злобой, что и Вайл незадолго до него.

– Проблема в винтовке, – с отвращением заключил Кассаис и бросил оружие обратно Вайлу. – Должно быть, центровка нарушена.

– Я так и думал, что ты это скажешь, – холодно отозвался Лорд-Сорокопут.

– Что случилось с жабой? Я ожидал, что к этому времени он уже будет здесь, преданно лебезить перед тобой.

– Йегара исчез, – без интереса ответил Вайл, снова приложив винтовку к плечу и вглядываясь в кромку леса. – Мои стражники его ищут, уже нашли кровь, но я сомневаюсь, что они еще что-то обнаружат. Думаю, рабы Йегары уже убили его и избавились от тела.

Кассаис улыбнулся. В Комморре смерть от рук собственных рабов считалась признаком того, что убитый опустился на самое дно слабости и некомпетентности. Такое событие обыкновенно приветствовалось как долгожданное очищение генофонда. Этот исход был неудивителен, учитывая откровения на вчерашнем банкете, но от него можно было ожидать большего. Кассаис с нетерпением предвкушал, когда же

наконец Вайл перестанет походя издеваться над Ольтаниром Йегарой и перейдет к каким-нибудь серьезным пыткам. В последнем Йегаре было нечто наивное и непорочное, что Кассаис страстно желал увидеть сломанным. Теперь ему отказали в этом удовольствии, и он чувствовал себя в какой-то мере обманутым.

– Надо согнать всех подозреваемых вместе и допросить их, – задумчиво сказал Кассаис. – И прихватить еще несколько этих пучеглазых снаружи – я уверен, они тут как-то замешаны.

– Я уверен, тебе бы это понравилось, Кассаис, – раздраженно ответил Вайл, – но мои ресурсы не бесконечны. Эти туземцы пялятся на нас именно для того, чтобы выманить нас из крепости. Они, определенно, достаточно хорошо знают наши склонности, чтобы ими пользоваться.

– Должен признать, мне начинает казаться, что гостить у тебя совсем невесело, – пожаловался Кассаис, когда Вайл снова всмотрелся в прицел. – Можно было хотя бы поднять сюда несколько орудий и поджечь лес…

То, как напрягся Лорд-Сорокопут, заставило Кассаиса быстро повернуться и с некоторой тревогой осмотреть деревья. От резкого движения в плече вспыхнула боль, напомнив Кассаису, что раны от встречи с ресзиксом еще не полностью зажили. Кассаис поглядел на лес и не увидел никаких перемен. Туземцы все еще сидели там, единственные неподвижные элементы на постоянно шевелящемся зеленом фоне. Деревья, трава, небо.

Когда он повернулся, чтобы спросить Вайла, что тот увидел, то уловил краем глаза слабое отдаленное мелькание чего-то белого. Он вовремя обернулся, чтобы увидеть, как бледная, подозрительно напоминающая кошку тень скользнула между двумя стволами.

– Он все еще там, – мрачно кивнул Вайл. – Теперь, когда он попробовал твоего мяса, ему наверняка хочется того, что осталось…

– О, очень смешно, – скривился Кассаис и потер шею. Ему захотелось побыстрее сменить тему на что-то менее неприятное. – Как ты думаешь, вернутся ли сегодня арлекины после того, как их в первый раз приняли столь безвкусным образом?

– Готов поспорить на твою жизнь, что вернутся, – проворчал Вайл. – Они предупредили Йегару об опасностях, и он все равно пошел. Что касается выступления, то арлекины, наверное, трактуют сумасшествие одного из участников как бурный успех. Они ведь, в конце концов, говорят, что цель представления – вызвать сильные эмоции. Наверное, тебе бы лучше отдохнуть и собраться с силами.

– Ну нет, Йегара был слаб, а я нет, – возразил Кассаис, следуя за Вайлом обратно внутрь. – Чтобы лишить меня рассудка, понадобится больше, чем постановочные призраки и провинциальная мелодрама.

– Не сомневаюсь, и я буду иметь это в виду на сегодняшнем банкете. Я до последнего мгновения не буду говорить, в каком зале мы будем пировать, чтобы эти негодяи не смогли снова подобрать костюмы под цвет стен. Пора им научиться адаптироваться.

Сидящие в кронах деревьев Ашантурус, Цилия, Ло'тос, Храдхири Ра и Пестрый наблюдали, как фигуры Кассаиса и Лорда-Сорокопута исчезают в нависающей вдали громаде крепости Гробница Ветров. Цилия тихо вздохнула, расслабляясь после того, как она, просчитав направление очередного выстрела, всякий раз побуждала намеченную жертву отклониться.

– Случайный выбор сцены может сделать все значительно труднее, – выразил мнение Пестрый. – Я сам большой любитель импровизации, но всегда приятно, когда можно положиться на готовый план.

– Разницы не будет, – равнодушно отрезал Ашантурус.

– Заставить Кассаиса, метафорически выражаясь, излить нам душу будет несложно, – прошептал Храдхири Ра. – Он воин и любит бахвалиться. А вот добраться до его души, в буквальном смысле, будет труднее.

– Пфф, чепуха и прочий нонсенс! – воскликнул Пестрый. – Я думаю, что могу сказать, не опускаясь до лести: я вполне уверен в том, что мы сможем это сделать.

– Ты слишком спешишь отвергнуть сомнения Храдхири, – напряженным голосом ответил Ашантурус. – Извлечь из разума Ольтанира Йегары историю всей его жизни, а потом интерпретировать ее, не дав ему это заметить – это был не трюк, с каким выступают в гостиных. Я уже утомлен и чувствую, что Цилия и Ло'тос устали еще больше, чем я.

– Не надо давать мне поблажек, – твердо сказала Цилия. – Видимо, меня не так легко затмить, как нашего Короля-Солнце.

Ло'тос наклонил голову и заскулил, а потом перекатился на спину, подставив Цилии живот. Когда та удостоила его щекотки, Мастер-мим живо подскочил и начал быстро скакать с ветки на ветку, цепляясь руками, словно тощий примат. Ашантуруса, судя по виду, не тронули эти проделки.

– Отважные слова, моя Королева-Луна, и все же я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя. Мы едва преодолели треть пути этого Маскарада, и я боюсь, что нашей труппе не хватит умения, чтобы его завершить.

– Но мы должны набраться отваги, Ашантурус. Все представления и Маскарады, которые мы устраиваем в иных обстоятельствах – просто репетиции для подобных случаев. Бывают времена, когда Цегорах действительно подвергает наше искусство испытаниям, потому что мы *должны* выступать, что бы ни случилось.

Если слова Провидицы Теней и убедили Ашантуруса, то он не подал виду. Высший Аватар обратил мрачный взгляд ухмыляющейся маски к крепости и стал молча ждать наступления ночи.

Глава восьмая - Апогей / Приснопамятная победа

Слияние было набито битком. Многих гостей Вайла оттеснили в вестибюль, дожидаться, пока он решит, где провести банкет этой ночью. Вайл Меншас стоял в центре восьмиугольного зала Слияния, очевидно, глубоко погруженный в раздумья. Его окружали ряды стражников и рабов с металлическими блюдами, узорчатыми подносами и толстобрюхими супницами, испускающими вкусно пахнущий пар. Они ждали уже больше часа.

Кассаис благоразумно держался в стороне, пытаясь понять, чего хочет его кузен. Это была одна из маленьких проверок, которые любил устраивать Вайл, и все присутствующие это знали. Кто будет достаточно безрассуден, чтобы попытаться подтолкнуть своего архонта к решению? Кассаис почти чувствовал, как все остальные безмолвно жаждут, чтобы он что-то сказал. Больше ни у кого не хватило бы на это духу. Линия плеч Лорда-Сорокопута и длинный меч с витым эфесом, висящий на его бедре,

подразумевали определенный уровень опасности, который для Кассаиса был достаточен, чтобы придерживать язык и ждать вместе с остальными.

Прошла, казалось, вечность, прежде чем Вайл наконец поднял глаза и обвел взглядом выжидающие лица вокруг себя. Тяжелый взор Лорда-Сорокопута упал на престарелого слугу, который был чуть лучше одет по сравнению с другими, с высоким воротников и длинными заостренными башмаками.

– Ты. Ты был у Йегар каким-нибудь мажордомом, камергером или еще какой ерундой, не так ли?

– Да, имел честь, милорд, – жалобным голосом ответил старец. – Я служил пяти поколениям клана, сначала как стражник, потом как писец и в конце концов как эконом. Если я могу предложить какую-либо помощь или поделиться знанием, которое пригодилось бы вашей светлости, то я готов выслушать ваши приказы.

– Ты можешь помочь мне тем, что заткнешься и умрешь, дряхлый болтун, – презрительно усмехнулся Вайл, медленно извлекая свой клинок. Старый эконом удивленно заморгал, а потом взвыл от страха, когда Лорд-Сорокопут, не говоря более ни слова, резанул его по груди. Ряды слуг позади эконома что есть сил ринулись в стороны, сопровождая бегство лязгом падающих подносов и звоном столовой утвари.

Вайл не обратил внимания на эту бесконечную какофонию: он преследовал старого прислужника, шагая по скользким кучам оброненной еды. Гости Вайла, находившиеся достаточно далеко, чтоб их не задело в схватке, улыбались и тянули шеи, чтобы с голодом в глазах понаблюдать за его жестокостью. Те, что были ближе, включая Кассаиса, вели себя осторожнее и старались не попасться под один из убийственных ударов Лорда-Сорокопута.

Вайл умело атаковал так, чтобы продлить агонию своей жертвы, нанося колющие и режущие удары в конечности, где не было крупных вен или артерий. Старик пытался уковылять то туда, то сюда, чтобы спастись от жалящей и пронзающей боли, но лорд продолжал безжалостно кружить вокруг обреченного. Наконец, эконом поскользнулся в собственной крови и упал на колени. Но милосердия он не дождался – Вайл рубил его снова и снова.

Задыхаясь, старик начал отползать к одному из входов в Слияние, повинуясь отчаянному, животному инстинкту бегства. Вайл следовал за ним неторопливым шагом, время от времени останавливаясь над распростертым телом и снова тыча в него клинком, когда его движения замедлялись, словно у изношенного часового механизма. В конце концов, эконом содрогнулся и перестал шевелиться. Через миг Вайл поднял взгляд на вход, который теперь возвышался перед ним. Его взгляду предстали высокие двери, инкрустированные изумрудом, хризолитом и нефритом. Он удовлетворенно кивнул.

– Будем есть здесь, – проговорил Лорд-Сорокопут, распахнул двери и вошел внутрь.

Кассаис быстро шагнул следом, чтобы догнать его, а стражники и слуги остались позади, чтобы разобраться с хаосом, созданным несвоевременным приступом кровожадности Вайла.

Зал за дверями был окрашен в тысячу различных оттенков зеленого цвета. Нефритовые камни, которыми был вымощен пол, имели вставки из оливина и зеленого агата, вдоль обеих стен рядами шли отполированные колонны из темно-зеленого обсидиана. Крышу пронизывали розетки из бледно-зеленоватого хрусталя, и на сквозняке, возникшем от открытых дверей, лениво закачались раздвоенные, как хвосты ласточек, знамена из изумрудного шелка.

– Забавный способ сделать выбор, – беззаботно заметил Кассаис, – хотя и немного неопрятный.

– Зубы демона, какая скукота, – проворчал Лорд-Сорокопут. – Мне сложно было представить, что это место может быть хуже, чем предыдущее. Но так оно и есть.

За ними внутрь потянулись вереницы рабов, несущих уцелевшее съестное. Послышались отдаленные вопли их менее удачливых собратьев которых кнутами загоняли обратно в кухни и кладовые под Слиянием, чтобы они взяли блюда на замену погибшим. В Изумрудном зале не было подходящего пиршественного стола, поэтому из соседних комнат принесли мебель и начали торопливо и беспорядочно расставлять ее по местам.

Внимание Вайла привлек трон на когтистых лапах из позеленевшей бронзы. Он заставил слуг соорудить импровизированный помост и водрузить на него трон, после чего угрюмо уселся туда. Кассаис завладел креслом с высокой спинкой и разместился поблизости. В зал следом за изможденными рабами входили все новые гости и стражники. Они настороженно озирались и старались занять места не слишком близко к своему хозяину и господину, но и не так далеко, чтоб это выглядело дерзостью. Кассаиса, с другой стороны, развлекали их ужимки. Он рассудил, что кровопролитие и продолжающийся хаос должны были несколько развеять мрачное настроение Лорда-Сорокопута, так что решился снова заговорить с ним.

– Почему бы просто не сжечь это место дотла, если оно так оскорбляет твои чувства? – невинно поинтересовался он.

– Есть сто дел куда важнее, чем дизайн интерьера, – фыркнул Вайл. – Именно из-за такой истерической чуши Йегары и утратили свое наследие.

Кассаис пожал плечами.

– Я просто хотел сказать, что если оно тебе не нравится, мы можем предложить быстрое решение этой проблемы.

Вайл наградил Кассаиса свирепой ухмылкой.

– Ты всегда готов насладиться насилием ради насилия, а, Кассаис? Посмотрим, как все сложится после этого вечера, и, может быть, твое желание исполнится.

Когда гости и стражники разошлись по залу, Кассаис увидел, что пророчество Вайла исполнилось. Разнообразные костюмы присутствующих хаотично контрастировали с обстановкой Изумрудного зала. Уже не было такого приглушенного единства, как прошлой ночью, скорее, эта разношерстная компания напоминала банду пиратов, оказавшихся на дне морском и рассевшихся на обломках кораблекрушения. Когда все заняли свои места, Вайл взял кубок и отпил, подав знак, что остальные тоже могут предаться пиршеству. Напряженная атмосфера слегка ослабела, и на заднем плане заиграла тихая музыка, чтобы прикрыть любые неловкие паузы в беседах гостей.

– Как ты думаешь, когда прибудут наши другие гости? – спросил Кассаис.

– А кто сказал, что их тут нет? – ответил ему в ухо веселый голос.

Кассаис повернулся, еще раз болезненно потянув раненое плечо, и увидел арлекина, которого называли Пестрым. Тот стоял так близко, что до него можно было дотронуться. Невысокая фигура в черно-белых ромбах и маске-домино нелепо опиралась на длинный золотой посох, который казался слишком большим для нее. Кассаис запоздало понял, что на вчерашнем представлении этот самый посох использовал Ашантурус.

– Где ваш предводитель? – резко спросил Вайл. – Я привык иметь дела с хозяевами, а не их миньонами.

Пестрый самодовольно усмехнулся и не стал сразу отвечать Лорду-Сорокопуту, вместо этого обратившись к Кассаису:

– Ты готов к сегодняшнему выступлению? Все еще хочешь принять участие? Все еще способен это сделать?

Кассаис бросил взгляд на Вайла и кивнул.

– Но сначала скажи, что случилось с Ольтаниром Йегарой после представления прошлой ночью? Готов поспорить, вам-то известно, что с ним произошло.

Пестрый нахмурился и озадаченно склонил голову набок.

– Почему это нам должно быть известно? Он сбежал из зала, и сразу после этого мы ушли. Он что, вроде как исчез? Нет более его в известном смертным мире?

– Похоже на то, – прогремел Вайл со своего медно-зеленого трона, не желая, чтоб его игнорировали. – Ты сломал его хрупкий разум, арлекин, а я тщательно старался этого не делать. С твоей стороны было очень неосторожно испортить моего раба.

Пестрый поклонился в пояс, при этом золотой посох в его руке угрожающе зашатался, и разразился длинной речью:

– Мы приносим свои извинения, однако я уверен, что могу безошибочно припомнить, как Ашантурус не один, но несколько раз предупреждал об опасностях именно такой природы. Быть может, это будет несколько дерзко с моей стороны, но я скажу – если, будучи хозяином раба, в свете подобных предостережений, вы позволили его выступлению продолжаться, тогда ответственность за его поломку, несомненно, должна падать на вас? Как я понимаю, раб обыкновенно освобождается от такого тяжкого бремени, как собственные решения и право выбора.

– Ты слишком много говоришь, – с опасной улыбкой сказал Вайл. – Как будто слова защитят тебя, если навалить их достаточно высокой кучей. Я могу заверить тебя, что это не так.

– Принято к сведению, мой господин, – печально сказал Пестрый. Натянутая веселость ответа, очевидно, причиняла ему боль.

– Так продолжай, Кассаис уже сказал, что готов. Ты заставляешь меня ждать, а это всегда не лучшее решение.

Пестрый пожал плечами, поднял золотой посох и ударил им по нефритовым плитам под ногами. Эфирная ударная волна прошла по банкетному залу, отчего гости удивленно ахнули. Стены Изумрудного флигеля зарябили, словно в жарком мареве, а потолок словно вознесся на невероятную высоту. Кассаис посмотрел вверх, и ему показалось, что он видит ночное небо, усыпанное звездами. На глазах у него звезды начали становиться ярче и опускаться, образуя сияющие силуэты, величественно проплывающие по воздуху.

Кассаис улыбнулся пантомиме арлекинов. Должно быть, они попрятались по дальним уголкам зала и безмолвно ждали, пока Вайл и его свита не войдут. Это значило, что Лорд-Сорокопут им все время подыгрывал. Он глянул на Вайла, ища подтверждения, но лицо хозяина было столь же неподвижным, как у статуи.

Силуэты были окутаны многоцветным свечением и принимали позы, которые мифы и легенды ассоциировали с древними эльдарскими богами – охотник, кузнец, дева, старуха, воин. Пестрый начал говорить, называя имена богов, как это ночью ранее делал Ашантурус. Голос Пестрого был выше и быстрее, чем у мастера труппы, говорившего ровным речитативом, но в нем было приятное тепло, которого недоставало его предшественнику.

– Великий Азуриан и его возлюбленная Гиа,

мудрый Хоэк и Цегорах-обманщик,

дальновидная Лилеат, смертоносный Кхейн,

трудолюбивый Ваул, старуха Морай-Хег…

и двое, что любили нас больше всех,

двое, от которых мы пошли:

Иша, мать урожая, и Керноус-охотник.

Когда назывались имена, каждый из арлекинов, играющих различных божеств, срывался с места и начинал кружить и парить над головами зрителей. Их движения стали более акробатическими по сравнению с вчерашним представлением. Они часто слетались вместе, брались за руки и вращались подобно двойным звездам, фантастически кувыркаясь и изгибаясь вокруг общего центра массы. Боги мчались над аудиторией, проносясь от одного конца зала к другому, очевидно, полностью поглощенные своими сложными взаимодействиями. Все это вместе выглядело, как чудесный, искрометный гобелен.

Кассаис видел не богов, но эльдаров, снабженных голополями и гравипоясами. Он много раз наблюдал, как используют оба типа этих устройств, но куда чаще это были вещи, созданные, чтобы запугивать и разрушать, а не для простых развлечений и спектаклей. Некоторым гладиаторам-ведьмам нравились гравипояса, которые помогали совершенствовать их захватывающий, акробатический стиль боя, в то время как другие избегали их, считая, что эти устройства мешают добиться по-настоящему художественного владения клинком. Кассаис понял, что ему интересно, каковы арлекины в бою – репутацию-то они себе выработали, несомненно, пугающую.

Две из мерцающих воздушных фигур часто ныряли и зависали над Лордом-Сорокопутом и ближайшими к нему гостями. Маски Керноуса и Иши с добротой взирали на эльдаров, пролетая над их головами. Похоже, им было приятно наблюдать за тем, чем занимались смертные. После паузы, во время которой Иша наблюдала за отдаленными движениями других богов, она спустилась еще ниже и начала петь. В песне не было слов, но она ощущалась как чистые потоки эмоций, которые вибрировали по нервам слушателей и эхом отдавались в их разумах. Это была песнь о любви и развитии, о том, как мать желает процветания своим потомкам.

Даже острые хищные черты Вайла Меншаса немного смягчились, пока он слушал песнь Иши. Кассаис, который, как и подобало вернорожденному комморриту, никогда не знал бескорыстной любви, впервые в жизни почувствовал отдаленное представление о том, что это значит – быть нежно любимым. Он обнаружил, что встал, хотя его и не приглашали. Кресло с высокой спинкой упало позади него, но он не обратил внимания. Он загорелся страстным желанием поведать о своих подвигах, рассказать историю, которая впечатлила бы богиню, парящую перед ним, доказала бы ей, на что он способен.

– Я расскажу тебе о богатом урожае, который я однажды снял, о великая богиня! – с готовностью

вскричал Кассаис. – Это эпическое повествование, местами ужасное, местами воодушевляющее, но со счастливым концом, по крайней мере, для меня!

Зрители, предвкушающие рассказ, одобрительно усмехались, и он начал готовиться к своей задаче. Кассаис ощутил чье-то присутствие рядом, и понял, что к нему подскочил Пестрый. Огромный золотой посох в руках арлекина пьяно покачивался, как мачта во время шторма. Пестрый заговорил еще быстрее, чем прежде, слова практически спотыкались друг о друга. Как будто он отчаянно пытался вставить свой текст, пока Кассаис еще чего-нибудь не сказал.

– В это время триумфа услышьте же рассказ о хитрости, удали и настойчивости из более поздней эпохи. Услышьте о том, кто странствовал меж звездами и вернулся, чтобы поведать свою историю. Вслушайтесь в его слова и спросите себя, поступили бы вы иначе!

Кассаис широко ухмыльнулся при мысли, что ему удалось внести сумятицу в выступление арлекина, вступив в представление слишком рано. Отлично, пусть суетятся вокруг него. Только потом до него дошло, что поспешное шаблонное вступление Пестрого прозвучало как шутка – шутка, сделанная за счет Кассаиса. Он сердито осмотрелся в поисках маленького клоуна, но Пестрый уже ускользнул туда, где до него было не добраться, и золотой посох по-прежнему нелепо болтался у него над головой. Внимание Кассаиса снова привлекла песнь Иши, и мгновенное раздражение было забыто.

– Мы плыли по эфиру, три корабля шли бок о бок, копьями пронзая черноту, – воззвал Кассаис к Ише. – Мы отправились в путешествие, чтобы набрать там и здесь немного деликатесов, рабов и развлечений, прежде чем повернуть наши суда обратно к Комморре, к дому. Но потом нам попался приз, достойный того, чтоб за него побороться. Толстобрюхий, с блестящими боками, словно жирная золотая свинья, таков был этот корабль. Неуклюжий вьючной зверь, отправленный в плавание рабскими расами, он буквально молил, чтобы мы вонзили в него ножи.

За гладким плечом Иши начали приближаться сложные световые переплетения, образованные орбитами других богов. Кассаис видел, что скрытые масками лица богов все чаще поворачиваются к нему, судя по всему, с неодобрением. Ему не было до них дела, он был весь поглощен вниманием прекрасной Иши и не желал ничего иного, кроме как продолжать повествование о своем пиратстве.

– Корабль охраняли два сторожевых пса, столь ценным был его груз. Они были тощими и серыми, как зима, но им было не сравниться с нашей мощной пушкой. Когда гончие отлетели, объятые пламенем, Акир Хелиак устремился на абордаж, чтобы стать первым, кто ступит на борт, но добыча вырвала брюхо его корабля нейтрониевыми клыками. Я и Дхорун из Разбитого Круга кусали ее за ноги и вырывали ей зубы, пока не смогли приблизиться с большей осторожностью. Мы преследовали ее, а она бездумно и тщетно убегала. Вскоре она была вынуждена принять бой, и мы схватили ее, подобно нежеланному любовнику. Экипаж сражался, но они были детьми, просто-напросто младенцами, которым дали оружие, по сравнению с нашими могучими клинками. Палубы покраснели от крови… и крики! О! Какое эхо от криков стояло в тесных металлических коридорах этой свиноматки! Убивая, мы творили такую музыку, что некоторые из тех, с кем мы бились, сошли с ума от этих звуков. Я…

Рассказ Кассаиса был прерван гигантским клинком из сверкающего пламени, который пронесся между ним и парящей лунной богиней. Частью разума он понимал, что это должна быть еще одна арлекинская иллюзия, световая, если судить по виду того, что мелькнуло перед его глазами. Но к этому времени Кассаис уже был тщательно опутан психическими плетениями Цилии и ее хора Провидцев Теней. Также в его ноздри проник едва заметный, экзотически пряный газ-галлюциноген, поэтому он слышал, как падает клинок, и чувствовал его жар на своей коже.

Кассаис отскочил, поднял взгляд и увидел бронированный шлем Кхейна, бога войны, который свирепо взирал на него поверх своего клинка. При всей своей браваде Кассаис дрогнул в тот миг, как любой смертный дрогнул бы пред ликом бога. Но огненный меч убрался, и Кассаис снова посмотрел наверх, где увидел, как бог Керноус увещевает Кхейна, а тот смеется ему в лицо. Позади обоих виднелась Иша, что, часто оглядываясь, уплывала прочь, чтобы присоединиться к остальным богам. Кассаис почувствовал себя опустошенным.

– Не печалься, – прошептал ему в ухо Пестрый. – Она ничего не может поделать – видишь, вон там, в центре всего, Азуриан, Король-Феникс. Он постановил, что боги больше не могут общаться со смертным племенем.

– Но… почему? – воскликнул Кассаис. – Я едва только начал свой рассказ!

– Тише, тише. Ты еще закончишь его, это я тебе обещаю, – утешил Пестрый. – Что же до вопроса «почему» – видишь там, наверху, Деву рядом с Азурианом? Это Лилеат, она увидела сон, что в один день эльдары станут причиной уничтожения Кхейна. Услышав об этом, Кхейн поклялся полностью истребить расу эльдаров. Он смилостивился, только когда Иша взмолилась за нас Азуриану. Цена нашего выживания – то, что между богами и смертными больше не может быть никаких связей. А теперь смотри, что будет дальше.

Снова возникли великолепные переплетения света, образуемые круговращением богов. Теперь они были, пожалуй, более стесненными и строгими, и определенно более отдаленными. Со временем пути Иши, ее возлюбленного Керноуса и Ваула стали чаще пересекаться. Не понимая, Кассаис наблюдал, как Ваул удалился и некоторое время бил молотом по наковальне, после чего вернулся и преподнес некий дар Ише. На следующем круге лунная богиня стала рассыпать по своим следам мерцающие огни, которые яркими снежинками падали вниз, разлетаясь ко всем эльдарам в зале.

Кассаис как завороженный смотрел на один из огоньков, который плавно подплыл к нему. Он почувствовал в приближающейся снежинке след присутствия Иши и протянул руку ладонью вверх, чтобы она туда опустилась. Огонек вспыхнул и исчез, и в его руке остался гладкий синий камень. На ощупь он был теплым и казался как будто живым. Держа его, Кассаис чувствовал, как усиливается его связь с богиней. Вспыхнуло озарение, и он понял, что, пока он держал этот камень – который, как он знал, являлся одной из легендарных Слез Иши – богиня могла разговаривать с ним!

И что более важно, теперь он мог разговаривать с богиней. Кассаис немедленно вернулся к своей истории, чувствуя, что другие эльдары в зале тоже настроились на нее посредством собственных камней духа. Как будто он стоял на громадной сцене, где, кроме сияющего света глаз Иши, были одни только тени, и камень духа, теплый как плоть, лежал в его руке. Тихие перешептывания и приглушенные голоса намекали на присутствие зрителей где-то за пределами видимости, но Кассаису не было до них никакого дела. Он снова погрузился в рассказ, как будто его и не прерывали.

– Мы загнали их в угол, моя божественная госпожа! Экипаж матки вскоре с визгом убегал по своим металлическим лабиринтам, и мы выслеживали их, как животных. Большей части я сохранил жизнь – разумеется, оставив их на потом – и, когда я обнаружил то, что они везли в трюмах, у меня также появились к ним вопросы. Грузовые помещения просто стонали от веса сокровищ: драгоценных металлов и редкой древесины, полированных камней с тысячи различных миров, миллиона пигментов и красителей, ярчайших перьев, чешуй и раковин с другого конца пустоты. Это, конечно, был варварский клад, но он состоял из таких вещей, которые могли бы с превеликим успехом использовать достаточно умелые ремесленники и мастера. Тогда мы допросили команду, и под моим заботливым уходом они

рассказали мне все, что я хотел знать. Они поведали мне тайный пункт назначения этих товаров и описали необычных обитателей этого места. В тот же миг я понял, что должен отправиться туда, что на протяжении всей моей долгой жизни меня дожидалось именно это приключение. Единственная сложность состояла в том, что путешествие обещало быть невероятно длинным, а мы взяли запасов лишь на краткую вылазку, не одиссею. Хотя это было легко исправить, поглотив Дхоруна и его экипаж, прежде чем приступить...

Кассаис начал осознавать, что бог войны все чаще и чаще пролетает мимо него. Ярость во взоре Кхейна казалась почти осязаемой, как и восхитительное ощущение запретного деяния, которое совершал Кассаис, продолжая общаться с Ишей. Он снова заговорил, на сей раз быстрее, из-за зловещего предчувствия, что вскоре все изменится к худшему.

– Итак, я направил таран своего корабля в пустоту, и мы отправились на этот тайный мирок рабов. То, что я нашел, превзошло самые сумасбродные мечты… Это было целое царство истово верующих ремесленников, которые и день и ночь посвящали изготовлению икон своего мертвого Бога-Императора. Дома были сплошь покрыты угрюмыми изображениями их разлагающегося повелителя. На стенах были вырезаны благочестивые прославления божества, на каждом углу стояли выражающие почтение статуэтки и памятные триптихи. Там были склады, набитые манускриптами, подробно описывающими Его явления и деяния в нескончаемых деталях. Это был один из тех редких и драгоценных рабских анклавов, где слепая вера в высшую силу висит на волоске, готовая быть разрушенной за одну ночь. Преподав несколько уроков на тему того, кто теперь главный, я сказал этим маленьким трудолюбивым рабам, что они могут остаться в живых и продолжить работу всей своей жизни, только если будут подчиняться моей воле.

Исповедуясь Ише через камень духа, Кассаис ясно видел ремесленников внутренним взглядом. Ряды грязных, уродливых, заплаканных лиц смотрели на него снизу вверх, пока они стояли на коленях в пыли того далекого мира. Они, конечно, не поверили ему, но думали, что смирение может спасти их семьи. Он улыбнулся при воспоминании, а потом ощутил настойчивый импульс из камня, который держал в руке, и поспешно продолжил:

– Тогда я заставил их работать, чтобы они переделали каждое хмурое лицо и каждую слезливую икону своего мира в нечто более приятное глазу. Я нещадно подгонял их, ибо оставалось не так много времени, прежде чем мы должны были улететь и вернуться в Комморру. Из-за этого многие рабы не пережили трудов, что досадно, ибо они превзошли самих себя. Они начали с того, что стали превращать сердитый лик своего Бога-Императора, где бы тот им ни попался, в подобие моего собственного прекрасного лица. Потом рабочие расползлись по всем исписанным фонарным столбам и молитвенным стенам и стали вымарывать и переписывать все, что было написано на хоругвях и пергаментных свитках, скрывая правду и распространяя самую вопиющую ложь.

К этому времени Кассаис смеялся. Слезы веселья катились по его щекам, пока он вспоминал муки, причиненные рабам. Они были такими простыми, такими примитивными созданиями и полностью отдали себя поклонению своему мертвому богу. Демонстрация того факта, что боль и страх могут столь решительно преодолеть их высшее «я», стала одним из самых приятных и безупречных деяний за всю долгую, жестокую жизнь Кассаиса. Он вытер глаза и попытался взять себя в руки, чтобы сохранить неожиданность финала.

– В конце концов я сделал последнее заявление, прежде чем улететь. Я действительно сдержал слово и позволил им жить и страдать. Но я забрал одну руку и один глаз у каждого выжившего, чтобы они всегда помнили мое краткое владычество и не слишком спешили возвращаться к вырезанию икон. Я сказал им,

что вернусь через год и день, чтобы наказать всех, кто преступил мои законы. С тех пор я возвращался дважды.

Как только Кассаис завершил свой рассказ, камень духа в его руке запульсировал и раскалился докрасна. Он выругался, ничего не понимая, и выронил его. Повсюду вокруг зазвучали крики, остальные гости эхом повторяли его жест. Кассаис потерял всякое ощущение того, что находится в зале Вайла, в Траурной Марке. Он вошел в состояние, подобное сну наяву, и над ним были боги, далекие и все же столь близкие, что он мог видеть их действия. Все, что он знал – его связь с Ишей была пресечена, словно разрублена раскаленным докрасна ножом. Он непонимающе поднял взгляд и увидел закованную в броню фигуру Кхейна, который приволок Ишу и Керноуса на суд Азуриана.

Пестрый невидимкой очутился позади Кассаиса и прошептал в ухо:

– Видишь? Кхейн поймал Ишу на том, что она нарушила правила, слушая смертных, и требует, чтобы Азуриан подверг ее наказанию. К сожалению, Король-Феникс не может решиться на подобное варварство и вместо этого приказывает отдать Керноуса и Ишу в заключение у Кхейна. Бог войны решает, что это позволяет ему делать все, что он захочет, поэтому он сажает их в темницу и подвергает жестоким пыткам.

Жуткие, душераздирающие вопли раскололи небеса. В сложных переплетающихся нитях, отмечающих прохождение богов, теперь в изобилии виднелись огонь и кровь. Прикованные к орбите Кхейна, Керноус и Иша страдали. Кассаис без раздумий прошел вперед несколько шагов, крича от негодования на далекие, глухие к его воззваниям фигуры. Он слышал, какой гвалт воцарился вокруг, когда к нему присоединились и другие. Он слышал и то, что некоторые вокруг него хранили молчание, явно поддерживая действия бога войны, и в его сердце загорелась искра ненависти к ним.

– Успокойся, мой лорд! – прошипел Пестрый. – Не все еще потеряно, многие из иных богов чувствуют то же, что и ты! Кузнец Ваул, всеми признанный друг Керноуса и Иши, хочет, чтоб их муки прекратились. Он достаточно храбр, чтобы встретиться к Кхейном лицом к лицу и заключить сделку. Бог войны требует, чтобы Ваул за год изготовил для него сотню своих прославленных клинков, и тогда он освободит эту пару! Есть ли выбор у Ваула? Может быть, он чувствует вину за то, что принял участие в создании камней духа. Задача практичеси невыполнима, но он принимает ее!

Выступление танцоров теперь сконцентрировалось вокруг Ваула, который лихорадочно трудился, чтобы изготовить сто клинков, потребованных Кхейном. По щекам Кассаиса вновь потекли слезы, когда он призывал бога-кузнеца поскорее выполнить эту монументальную задачу. Временами тайно вмешивались другие боги, кто помогал материалами или советами, а кто и мешал: Морай-Хег, Хоэк, смеющийся Цегорах, даже Лилеат. Арлекины метались и кружили вокруг работающего бога и кучи готовых мечей, которая поднималась все выше, пока с медленной неотвратимостью смерти не приблизилось время, когда должен был вернуться Кхейн и потребовать свою плату.

Кассаис почувствовал, будто холодная рука сжимает его сердце. Он знал, что бог-кузнец не выполнил задачу. Девяносто девять мечей лежали законченными, но последний остался незавершенным! Кассаис огляделся в поисках Пестрого, ожидая какого-то объяснения этому ужасному происшествию. Он увидел только Вайла, что сидел на своем когтистом троне и выглядел подозрительно довольным этим исходом. Ястребиные черты лица Вайла излучали явное одобрение тому, что бог войны пленил Ишу и продолжал ее мучить. Искра ненависти в сердце Кассаиса вспыхнула медленно разгорающимся пламенем, и он угрюмо поднял взгляд, чтобы увидеть, чем закончится встреча Кхейна и Ваула.

Кассаис разразился смехом, увидев, как Ваул спрятал незавершенный клинок среди других, когда бог войны практически стоял на его пороге. Самодовольный, гордый победой Кхейн завладел сотней мечей, не осмотрев их как следует. Он сразу же освободил Керноуса и Ишу, и пара воспарила от него так стремительно, что они, казалось, временно исчезли из виду. Ваул также отступил в сторону, и новым центром притяжения для хора арлекинов теперь стал бог войны, который принялся проверять клинки.

Кхейн с фантастической ловкостью раскручивал мечи вокруг себя, подбрасывал их в воздух и снова ловил, а потом отправлял их вращаться острием вперед по орбите, окружающей его парящую фигуру. Вскоре его окружил ореол из крутящихся мечей, стальная преграда, которую бог постоянно наращивал, совершая все более головокружительные демонстрации своего мастерского владения клинками. Теперь, когда вокруг бога войны замысловатым узором вращалось огромное колесо из летящих мечей, он поднял последний клинок Ваула, чтобы проверить, чего тот стоит…

Сокрушительный рев гнева пронесся по залу, как психическая ударная волна. Инстинкты Кассаиса, отточенные всей жизнью, проведенной в Комморре, среди кровопролития и убийств, дали ему понять, что сейчас случится. Он схватил собственный меч, издал боевой клич, созывая своих воинов, и бросился на миньонов Кхейна. Теперь приспешникам бога войны и сторонникам несчастных влюбленных Керноуса и Иши оставалось только сражаться до конца. Брызгала горячая кровь, звучал звериный рев, и эльдары бросались друг на друга, желая убить.

Очередь осколочных снарядов выбила искры по нагруднику Кассаиса, он ринулся вперед и вспорол живот стрелка взмахом меча. Еще один стражник Вайла с воплем бросился на Кассаиса, низко держа винтовку с выставленным вперед клинком, готовым выпотрошить противника. Кассаис вогнал острие меча в раскрытый рот стражника и рванул его вверх, рассекая кричащее лицо пополам. Со всех сторон доносились вопли, мольбы и высокий истерический визг оружейного огня. Кассаис отдаленно ощущал, что над погруженным в битву залом сошлись две титанические фигуры, Кхейн и Ваул, сражающиеся так же, как их последователи у них под ногами. Руки бога войны покраснели от крови, он стал Каэла Менша Кхейном – кроваворуким Кхейном – и приступил к истреблению эльдарской расы.

Между другими богами происходили какие-то иные, более сложные хитросплетения, но у Кассаиса не было времени, чтобы понять их – он вел свою горстку воинов против стражников Вайла. Лорда-Сорокопута нигде не было видно, но его миньоны вливались в зал подобно массе разозленных муравьев. Кассаис быстро принял решение – его силы были слишком малы, чтобы победить. Он мгновенно поменял направление и прорубился к боковому помещению, где была лестница, судя по всему, ведущая в помещения под залом. Пока последние из его воинов яростно сражались, не давая врагам отправиться в погоню, Кассаис, не оглядываясь, сбежал по ступеням вниз.

Глава девятая - Финальный банкет

+Реакция сверх всяких ожиданий.+

+Мы знали, что Кассаис полон страстей, мы могли представить, что за зверь может таиться в его груди.+

+И все же… он не тот, кого мы ищем.+

+Остался только один, так что тайна раскрыта, мы изловили эту птицу.+

+Если след, который привел нас сюда, не ложен. Возможно, все это было напрасно.+

+А между тем, я все равно послушал бы его историю.+

+В этом, конечно, есть своя нездоровая притягательность, но ведь чище будет просто разделаться с ним, не так ли?+

+Он не позволит нам выступить снова. Только не после этого.+

+У него нет выбора, как и у нас – путь уже проложен.+

+Цикл должен быть завершен. Обратной дороги нет.+

– Это он, все так, – сплюнул Вайл Меншас. – Вот он, предатель.

Стражники принесли с собой светильники, но они как будто не истребляли тьму этих похожих на пещеры помещений, а только оттесняли ее назад. Низкий туннель со сводчатым потолком, по которому они шли, был пронизан таким множеством дверей-арок, что в некоторых местах больше напоминал колоннаду. Пыль и паутина, мягким слоем покрывающие жесткие грани обработанного камня, служили молчаливым свидетельством тому, насколько редко Йегары или их слуги посещали эту часть крепости.

Перед Лордом-Сорокопутом простирался темный участок пола отдаленно круглой формы, в несколько шагов поперек, который поблескивал в дрожащем свете. Его ноздри чуяли сильный медный запах свежей крови, смешанный с навозным зловонием вываленных внутренностей. В середине круга лежала угловатая черная куча – растерзанные останки великолепных доспехов Кассаиса. Более внимательный осмотр показал, что в них все еще находились растерзанные останки самого Кассаиса, на что указывали немногочисленные расколотые кости и обрывки плоти, свисающие с кирасы, поножей и наручей.

Вайл наморщил лоб и начал отвлеченно разглядывать арки вокруг, собираясь с мыслями. Ничто не попадалось ему на глаза, кроме разнообразных угловатых и покрытых пылью силуэтов, возвышающихся между ним и очередной аркой. Стражники нервничали, и это было понятно, учитывая произошедшую ночью катастрофу, и постоянно озирались, словно на рейде во вражескую территорию. Лорд-Сорокопут размышлял, что, хотя в этих подземельях наверняка можно было укрыть целую армию, не было никаких свидетельств тому, что здесь прошел хоть кто-то, кроме Кассаиса. Хотя это было не совсем так, поправил себя Вайл: кроме Кассаиса и того, что его убило.

Убить Кассаиса было непросто, Вайл это знал. Многие покушались на него в прошлом и узнавали, как высока цена неудачи, когда Кассаис только смеялся в ответ на смертельный удар и возвращал его с процентами. С самых ранних дней своего разбойничества Кассаис тщательно старался укрепить тесные отношения с Пророками Плоти, комморрской кликой гемункулов, превосходных мастеров своего дела. С их помощью плоть Кассаиса научилась сшивать сама себя и восстанавливаться после любых ранений, кроме самых серьезных, его кости были пронизаны закаленными металлами, жизненно важные органы стали двойными, а в некоторых случаях и тройными. Вайл так и не узнал, какую плату за услуги вытянули Пророки из его кузена, но, несомненно, она была впечатляюще велика.

Но ничто из этого не спасло Кассаиса от того, что выследило его в этом туннеле прошлой ночью.

Стражники нервничали все сильнее. Один из них настолько забылся, что опрометчиво нарушил молчание:

– Как вы думаете, кто убил его, мой архонт?

Вайл несколько мгновений холодно смотрел на него, прежде чем стражник отвел глаза и пристыженно повесил голову. В другой день Вайл выпотрошил бы его, наказав за дерзость и одновременно дав своим миньонам простой урок насчет того, стоит ли задавать глупые и безответные вопросы. Сегодня он не мог позволить себе такое удовольствие, что только сильнее раздувало его холодную ярость. Сознательным усилием он успокоился. Вопрос, в конце концов, был здравым. Лорд-Сорокопут подступил ближе и снова присмотрелся. Лужа засыхающей крови мерзко зачмокала под подошвами.

Он решил, что выглядит все так, будто это сделала кошкообразная тварь – ресзикс. Дыры в практически непробиваемом черном металле доспехов Кассаиса сложно было с чем-либо спутать – это были отметины от когтей. Кираса была разломана, как будто ее сокрушили могучие челюсти, и лакомый кусок внутри нее, судя по всему, попросту сожрали, вместе с тройными органами и всем прочим. Может быть, ресзикс действительно каким-то образом проник сюда, вниз, выслеживая его. Если так, то Кассаису не повезло, что они друг друга повстречали.

– Очевидно, ресзикс, на которого мы охотились несколько дней назад, как-то прокрался в крепость и скрывался, пока не нашел его, – уверенно заявил Вайл. – Я слышал, что, стоит им ощутить вкус крови, они без устали преследуют свою добычу.

Стражников это, кажется, не убедило, но Вайлу было плевать, что они думают. Что именно убило Кассаиса, почти ничего не значило – важно было то, что теперь он мертв, и у противников Вайла нет лидера. Судя по всему, ни одному воину Кассаиса не удалось сбежать из Изумрудного зала после той предательской атаки, хотя сомнения еще оставались. Когда Кассаис устроил попытку переворота, среди старых слуг Йегар вспыхнул конфликт лояльности. Некоторые присоединились к Кассаису, другие держались Вайла, а некоторые пустили все силы на то, чтобы сформировать собственную фракцию и дать отпор двум другим. В хаосе битвы некоторые поменяли сторону даже не один, а несколько раз.

Вайл думал о том, чтобы посадить на кол всех бывших слуг Йегар до последнего, выставить их на укреплениях и покончить с этим. К сожалению, воины Кассаиса оказались исключительно хорошо натренированы и нанесли силам Вайла значительные потери, прежде чем их уничтожили. Потери означали, что ему едва хватит солдат, чтобы охранять стены. Теперь сама сохранность крепости висела на волоске.

Туземцы собирались все в больших количествах по мере того, как усиливался голод. Они пока не смели приближаться, но ждали и наблюдали тысячами внимательных глаз, горящих в лесу… чего они ждали? Не измены Кассаиса, иначе бы они атаковали прошлой ночью. Нет, они дожидались чего-то иного, что только должно произойти, и Вайл был твердо намерен это предотвратить.

Вайл насмешливо ухмыльнулся и подтолкнул истерзанные доспехи ногой.

– Возьмите это месиво с собой, – приказал он. – Сегодня у нас пир, и тень Кассаиса будет сидеть с нами в своем скорбном пристанище, пока мы будем веселиться.

– Да, мой архонт, – машинально ответили стражники.

– Лучше достаньте свои лучшие черные одежды, – насмешливо проговорил Вайл. – Этой ночью мы пируем в Ониксовом флигеле.

Глава десятая - Полумрак

В тот вечер, когда водянистый свет Траурной Марки истаял в сумерках, Вайл занял почетное место во главе банкетного стола в Ониксовом флигеле. В отличие от остальных, в этом флигеле не было центрального зала, вместо этого он состоял из множества больших и малых покоев, соединенных извилистыми коридорами, в планировке которых не было ни следа какой-либо единой логики. За неимением подходящего пиршественного зала Вайл выбрал самую крупную из уцелевших комнат, несмотря на то, что она была частично обрушена. Сквозь зияющие разрывы во внешней стене виднелись быстро темнеющие небеса, и внутрь задувал холодный, острый как нож ветер. Вайл мрачно размышлял, что это частично разрушенное и почерневшее от дыма место очень подходит под его настроение.

Он тщательно проверил, чтобы энергетические поля в вестибюле крепости были правильно активированы. Он даже заставил прислужников отпереть вырытые там примитивные ямы-ловушки, чтобы помешать любой возможной атаке. На укреплениях и у входа были расставлены стражники, но по большей части они выстроились вдоль стен пиршественного зала с осколочными винтовками, дезинтеграторами или темными копьями в руках. Вайл держал на боку собственный обнаженный клинок и ни разу не убрал пальцы от его старой потертой рукояти.

В темной комнате висело осязаемое чувство страха. Поредевшие ряды рабов и придворных Векта косились на оставшихся сторонников Йегары с очевидным недоверием. Две группы быстро сформировали два противоположных островка за горсткой столов, которые втащили в помещение. Тяжеловооруженные стражники внушали им страх, что их всех привели сюда, только чтобы вырезать. Вайл только грозно взирал на них с трона и ничем не облегчал страхи.

В конце концов архонт медленно отпил из кубка, стоявшего возле его локтя, давая гостям знак, что они могут присоединяться к пиру. Некоторые колебались, несомненно, опасаясь яда, но ни у одного не хватало отваги проявить неповиновение и отвергнуть приглашение. Вайл наблюдал и ждал. Мало-помалу атмосфера на банкете чуть потеплела, пища и напитки подняли дух присутствующих. Среди собрания вскоре зашелестели тихие разговоры и приглушенный, нервный смех.

Все сразу же затихли, когда Вайл поднялся на ноги.

– Итак… мы здесь, – угрожающе произнес Лорд-Сорокопут и начал медленно мерить шагами почерневший зал, постукивая кончиками пальцев по рукояти меча. – Те, кто должен был нас развлекать, судя по всему, покинули нас после двух ночей пиршеств, и теперь мне придется развлекать себя самому…

Вайл сделал долгую паузу, выжидающе переводя взгляд по затененным уголкам комнаты. Единственными звуками оставались грохот и шипение волн, бьющихся о скалы внизу. Лорд-Сорокопут пожал плечами и продолжил говорить, хотя его взгляд по-прежнему постоянно блуждал по сторонам в надежде увидеть хоть какой-то знак от арлекинов. Они слышали его, он знал, что они здесь.

– Две ночи назад бедный, неоплаканный Ольтанир Йегара начал рассказ, который заслуживает достойного завершения. Этот глупец знал только половину истории, в которой он сыграл ключевую роль. Когда он прокрался в Комморру, чтобы поторговаться за свою бесполезную шкуру, он и не подозревал, что его жалкое маленькое субцарство хранит в себе ключи к иной, куда большей ценности. Если б только он знал, то мог бы диктовать свои условия, и я бы с радостью пошел на них. На самом деле, я бы отдал ему собственных наложниц, лишь бы только получить доступ в Траурную Марку.

Вайл вернулся к своему кубку и глотнул. От этой речи ему захотелось пить, сильнее, чем он ожидал. При

этом он вглядывался сквозь рваные прорехи в стене наружу, где последний, умирающий дневной свет подкрашивал снизу тучи, придавая им перламутрово-розовый оттенок. И все же актеры не воспользовались этим естественным перерывом, чтобы проскользнуть на сцену. Вайл с сожалением покачал головой и продолжил рассказ.

– Я почти не сомневаюсь, что к концу он почувствовал, как ошибся. Он должен был осознать, что отдал свое княжество за смехотворно низкую цену собственного жалкого существования. Понимаете, есть одни двери, и другие двери, и двери в Комморре. Это город миллиона порталов. Есть двери, за которыми находятся чудесные дворцы, царства потрясающей красоты, неведомые сокровища, адские бездны, необузданный Хаос и многое иное… Я слышал, как молодые невежды говорят, будто через порталы Комморры можно проникнуть везде и всюду, но это неправда. Правда же в том, что некоторые из этих дверей давно испорчены, некоторые забыты, а некоторые уже десять тысяч лет не открывались, и тому есть хорошая причина. То, что находится за дверями, тоже было испорчено: целые области Паутины исчезли, и с каждым циклом она все больше разрушается. Нет сомнений, что вскоре от нее ничего не останется.

Даже эта насмешка не вызвала ответ, на который рассчитывал Вайл. Насколько он знал, арлекины были странствующими обитателями Паутины. Они, предположительно, знали все ее скрытые проходы и тайные тропы. Он думал, что арлекины не устоят перед возможностью опровергнуть то, что он знает об этой среде. Архонт снова оглядел своих гостей, которые со страхом наблюдали за ним, не зная, что он сделает дальше, и стражников, которые стояли подобравшись, готовые к бою. Может быть, в конце концов, арлекины действительно ушли. Вайл еще раз отпил и снова взялся за попытки вернуть их, все больше втягиваясь в повествование.

– Как бы то ни было, я ухожу от темы. Мой род, Меншас, еще с времен до Падения грабил и исследовал космос из Комморры. Нам ведомо великое множество секретов. Один из них, просто шепоток, слух времен моего деда, говорил о потайном портале, ведущем отсюда в некое отдаленное место в космосе. Это несравненное сокровище, как предполагалось, было миром-кораблем, что затерялся среди Призрачных звезд, не затронутый Падением. Его экипаж ни с кем не имел связи. Наивные и уязвимые, они ждали знака, что можно вернуться. Хранители этого знания – те, кто должен был подать сигнал – сначала жили здесь, спрятавшись в Траурной Марке, но их вытеснили, и им не повезло наткнуться на моих великолепных предков из давно минувшей эпохи.

Теперь он явственно ощущал, что за ним следят и слушают его речь. Это были не гости и не стражники, что-то *иное* прислушивалось к нему. Вайл практически чувствовал на себе взгляд невидимых глаз. Они были здесь, все так. Он облизал губы и удовлетворенно ухмыльнулся. Теперь он говорил громче, и голос его все поднимался.

– Род Меншас хранил этот секрет, но он был для нас бесполезен. Пока Траурная Марка оставалась недоступной, недоступен был и мир-корабль. Так что вы можете понять мой энтузиазм, когда я услышал о прибытии Ольтанира Йегары. Я отправился в Верхнюю Комморру, на Гору Скорби, к Центральному пику, чтобы преклониться перед Асдрубаэлем Вектом и молить его о благосклонности…

Голос на миг изменил Вайлу, когда он вспомнил темное величие Центрального пика и его круг из гигантских кричащих статуй Верховного Властелина. Воспоминания вызвали ощущение ужаса, которое застало его врасплох. Он сглотнул и продолжил. Горделивый, грозный тон исчез, и последние слова он шептал, словно исповедь.

– Для меня это было трудно… сознаюсь. Самое трудное из всего, что я когда-либо делал. Я дорожу своей

гордостью, но ради разговора с Вектом мою гордость пришлось… смирить, сокрушить перед великим тираном. Я пришел с мыслями о сделке, о том, чтобы заключить взаимовыгодное соглашение о доступе к Йегаре и Траурной Марке. Прежде чем мне позволили уйти, я обещал Векту все – огромную добычу из призрачной кости и камней духа. Взамен я попросил лишь чести распространить его владычество на Траурную Марку и стать ее законным сюзереном. И вот мы здесь, – заключил Вайл, скорее для самого себя, чем для каких-либо слушателей, реальных или вымышленных. – Осажденные, окруженные, истерзанные Фортуной и врагами снаружи и внутри. Я увижу, как все это закончится, я увижу…

Он застыл и стремительно развернулся, услышав вежливые аплодисменты у себя за спиной. То был маленький, одетый в серое арлекин, тот, которого называли Пестрым. Вайл мрачно улыбнулся и шевельнул рукой. В тот же миг его стражники отошли от стен и начали смыкаться вокруг невысокой фигуры.

– Мои коллеги уверены, что представление невозможно спасти, – спокойно сказал маленький арлекин. – Что третий акт должен остаться неоконченным из-за ужасных знамений, связанных с первыми двумя.

Пестрый широко улыбнулся и склонил голову перед сужающимся кругом стражников, подняв пустые руки в знак сдачи.

– Я же думаю иначе и вижу, что ты согласен со мной, архонт Вайл Меншас, – ухмыльнулся он. – Мы зашли так далеко, мы обязаны увидеть, чем все кончится. Ты намерен пленить меня?

– Возможно, – процедил Вайл, приподняв свой длинный прямой меч перед Пестрым. – Теперь я вижу, что вы пришли сюда нарочно, с целью погубить меня, ты и твоя шайка актеров. Видимо, ты явился, чтобы отомстить за мир-корабль.

– Я лично? – Пестрый энергично затряс головой. – Нет. Я пришел за тобой, Вайл Меншас, можно сказать, что ты сам призвал меня сюда. Твоя похоть и жестокость призвали меня в реальность, как неизбежное последствие твоих действий. Тонкая ирония, не правда ли? Практически совершенная в своем замысле, если соединить все точки. Разве ты не видишь? Мы и есть третий акт, я и ты, в повествовании Урсилласа о Падении. Ты – эльдарская раса, а я – Та…

– Где остальная труппа? – перебил Вайл. – Отвечай быстро, иначе плохо тебе придется, маленький клоун.

Стражники остановились на почтительном расстоянии от арлекина, нацелив свое оружие прямо на него. Пестрый ухмыльнулся, не опуская рук.

– Не поверишь, но они прямо за тобой, – невинно ответил он и протянул руку, чтобы снять с себя маску.

Нервы Вайла уже натянулись сильней стальной проволоки, и он не мог не отреагировать, как и его стража. Их внимание пошатнулось всего на долю секунды, но в этот миг одетый в серое арлекин взорвался движением. Его казавшийся сплошным образ раскололся, превратившись в ослепительный многоцветный калейдоскоп. Стражники практически в унисон открыли огонь, рассекая сияющее облако на части, но их осколки и лучи прошли сквозь пустое место.

Лавина световых пятен завихрилась и на миг приобрела прежнюю форму – Пестрый оказался по другую сторону кольца. Он протянул руки и прикоснулся ко лбам двоих стражников, словно даруя им благословение. Вайл выругался и бросился на арлекина со спины, но маленькая фигурка закружилась и ушла в сторону, прежде чем клинок достиг цели. Смеющийся арлекин снова обратился в мечущийся водоворот искр.

Двое стражников начали оседать, но потом снова выпрямились, судя по виду, не раненые. Вайл заметил, что там, где до них дотронулся арлекин, горели яркие, похожие на клейма отметины. Он также увидел, что их доспехи окрасились в завихряющиеся болезненные цвета, и они направили оружие на своих товарищей. Вайл в тот же миг зарубил одного из них, но второй успел выпустить импульс энергии из дезинтегратора, прежде чем его убили. Стражники, гости, куски стены на мгновение вспыхнули жарким светом, а потом разлетелись струями серой пыли под высвобожденной мощью украденных солнц.

Посреди суматохи Вайл увидел еще двоих стражников, которые пошатывались с горящими клеймами на лбах. Пестрый то появлялся, то снова исчезал, всякий раз оставляя после себя еще двух жертв. Верные архонту стражники поняли, что происходит, и яростно отбивались, однако каждый раз, когда смеющийся арлекин наносил удар, чаша весов склонялась на его сторону. В зале царил пандемониум, Вайл начал замечать те же вихри болезненных цветов и выжженные отметины среди гостей. Лорд-Сорокопут почувствовал страх, дрожью пробежавший по позвоночнику, когда понял, что ситуация стремительно выходит из-под контроля. Вдруг из хаоса до него донесся знакомый медоточивый голос:

– Архонт Меншас! Быстрее, сюда! Мы можем защитить вас.

Это был Ашантурус, мастер труппы арлекинов, по-прежнему одетый Смеющимся Богом Цегорахом, как прошлой ночью. Позади него выстроились другие боги, которых Вайл видел на предыдущем представлении: Азуриан, Иша, Лилеат, Ваул, кроваворукий Кхейн и другие – все они были здесь. Арлекины обнажили оружие и сражались спина к спине, чтобы защитить себя от нарастающего прилива искаженных стражников и гостей, которых оставляло за собой безумие Пестрого. Через миг сомнения Вайл ринулся под защиту их рядов.

– Проклятый сошел с ума, Та, что Жаждет, поглотила его душу! – закричал ему Ашантурус, в голосе которого сквозило отчаяние. – Твоя единственная надежда – бежать с нами, пока это возможно!

– Так вы до сих пор пытаетесь манипулировать мной! – рыкнул в ответ Вайл и поднял свой меч. – Проклятье на вас и все ваши игры!

В этот самый миг водоворот искр, крутившийся по всему залу, вернулся и ворвался в собравшуюся вместе труппу.

На мгновение Вайл успел увидеть Пестрого – больше не маленькую худую фигуру, но раздувшуюся, чудовищную тень – который налетел на богиню Ишу. Остальные боги толпой бросились навстречу, чтобы дать бой этому существу, но оно разметало их в стороны, словно детей. Первый арлекин, которого оно схватило, упал на землю, покрывшись рябью тошнотворных цветов – уже не бог, но искаженная, стенающая игрушка.

В считанные секунды пол был усыпан корчащимися телами. Каэла Менша Кхейн, бог, в честь которого именовался род Вайла, прожил чуть дольше, чем остальные, с отчаянной силой защищаясь огромным двуручным клинком. Сжавшись позади бога войны, Ашантурус на какое-то время оказался в безопасности и повернулся к Вайлу с криком:

– Думай, что хочешь, но беги! Ради любви Иши, спасайся отсюда, если не хочешь разделить нашу участь!

Кхейн рухнул наземь, словно поваленная статуя, по его доспехам расползлись мерзостно окрашенные черви, а затем он рассыпался на миллион кроваво-красных осколков. Ашантурус, невероятно изогнувшись, прыгнул в сторону и избежал первой атаки Пестрого. Двое с головокружительной

скоростью скакали и кружили друг напротив друга, предвидя каждое движение и отвечая на него еще до того, как оно началось.

Вайл секунду наблюдал за водоворотом схватки, сделал два шага назад, затем повернулся и помчался к выходу. Его неотступно преследовал звук безумного, бесноватого хохота Пестрого.

Тяжело дыша, Вайл выбежал в Слияние и обнаружил, что оно усыпано трупами. Энергетические поля, которые должны были ограждать вестибюль, отключились. В конце вестибюля, почти у самых внешних дверей, Вайл заметил фигуру, которая ковыляла прочь от него. Архонт хрипло выкрикнул вызов, но та только зашаркала ногами быстрее, и тогда Лорд-Сорокопут схватил меч и погнался за ней.

У дверей фигура обернулась, и Вайл мельком увидел искаженное от боли лицо Ольтанира Йегары. Последний Йегара был сгорблен и изломан. Четыре изукрашенных сосуда свисали с его тела, как отвратительные гроздья, их крышки-головы зарылись в плоть, словно присосавшись к ней. С безумным криком Ольтанир распахнул внешние двери и выбежал, по пятам преследуемый Вайлом.

Как только Ольтанир оказался снаружи, он исчез в сплошной стене гладкокожих тел, затянутый крючковатыми когтями ожидавших туземцев. Сотни выпученных немигающих глаз уставились на Вайла, в то время как вопли Йегары позади становились все громче, достигая невыносимой высоты. Вайл схватил дверь и рывком захлопнул ее перед их мордами. Он снова ощутил холодную дрожь, прошедшую сзади по шее, когда понял, что кто-то воспользовался тем, что он отвлекся, и теперь стоит у него за спиной.

– И над всем безраздельно воцарились мрак, гибель и смерть, – прошептал Храдхири Ра, когда его выпад пронзил Лорда-Сорокопута сквозь сердце.

Жизнь стремительно покидала тело Вайла Меншаса, и он ощутил нечестивую тягу Той, что Жаждет, которая ждала, чтобы поглотить его душу. Он смутно разглядел, что убийца в маске-черепе держит перед его глазами что-то яркое и твердое.

Это был камень духа.

Слеза Иши, убежище для его ускользающей сущности. Благословение.

Вайлу Меншасу хотелось плакать от облегчения, но вдруг он увидел, что за плечом Шута Смерти кто-то приближается. Это была невысокая серая фигура Пестрого, уже не сверкающее облако, но он прежний, улыбающийся полными красными губами. Вайл попытался что-то сказать, прокричать предупреждение, но он уже испустил свой последний вздох. Все, что осталось от Вайла Меншаса, затягивал в себя камень духа. Омрачающимся зрением он видел, как камень становится все больше, становясь всей его вселенной…

– Потрясающее выступление, не находишь? – дико рассмеялся Пестрый. – Очень убедительное. Как жаль, что никто не остался в живых, чтобы оценить его. Ну что ж, пожалуй, для этого у нас всегда есть наша труппа и мы сами.

Храдхири Ра позволил трупу комморрита соскользнуть на пол и посмотрел на тускло светящийся камень в своей руке. Мягким, шепчущим голосом он проговорил:

– Такая маленькая вещь, душа, и все они одинаковы, когда становятся такими.

– К добру или к худу, всех нас судят по тому, что мы сделали, мой скелетоподобный друг, – более сдержанно ответил Пестрый, протягивая руку к камню, – а не по тому, что мы могли бы сделать. Если у вселенной и есть что поведать нам о высшей справедливости, то это оно и есть. Позволь мне?

Храдхири Ра довольно охотно передал камень духа в проворные пальцы Пестрого. И все же он предпочел отвернуться перед тем, как изящный Солитер с неописуемым выражением наслаждения в глазах поглотил камень, вмещавший душу Вайла Меншаса.

Такова цена, которую арлекины должны платить, чтобы спастись от Той, что Жаждет – один из их числа изначально обещан ее безжалостному голоду. Легенда гласит, что в тот миг, как душа Солитера покидает тело, может явиться Цегорах, чтобы попытаться обмануть Ту, что Жаждет, и лишить ее добычи. Но до тех пор предреченная судьба Пестрого защищала всю труппу от вымирания – за определенную плату.

Через миг Пестрый хихикнул, рыгнул и комично попросил прощения. Череполикая маска Шута смерти сардонически ухмылялась, но скрывавшийся за ней Храдхири Ра не мог избавиться от тошнотворного ощущения ужаса, которое окутало его.

Источник — https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Маска_Вайла_/_The_Masque_of_Vyle_(новелла)&oldid=4069

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 сентября 2019 в 09:07.